

#Дримпэ

Философские притчи и мысли о важном

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

#Дримпэ

Философские притчи и мысли о важном

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61257227
SelfPub; 2020*

Аннотация

В книге рассматривается широкий спектр вопросов: о вечном противостоянии добра и зла, человеческой мотивации, поиске смысла жизни, выборе и ответственности за него. Что такое счастье и можно ли быть счастливым в семье, в которой нет доверия? Супружеская измена – это норма современного общества или предательство истинных чувств? Что важнее: личное благо или чужая жизнь? Почему власть убивает все человеческое, оставляя лишь внешнюю оболочку? Что стоит честное слово в мире, где большинство населения носит маски, скрываясь за аватаром соцсетей? Что такое внутренняя сила человека? В чем отличие мечты от желания, и как их исполнение влияет на человека? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Притчи. Часть 1	5
1. Ложное отражение	5
2. Начало	15
3. Выбор	23
4. В моём мире я Бог?	31
5. Справедливость	43
6. Доброта	53
7. Злость	63
8. Свобода выбора	70
9. Про любовь	81
10. Замок из песка	91
11. Принцип допустимой жертвы	101
12. Почему моя жизнь хуже других? Лена и выбор	111
Часть 1	111
Часть 2	117
13. Про кроссовки и людей из стали	125
Часть 1	125
Часть 2	135
14. Соблазн в конце пути, или Рассказ о том, как новая жизнь почти вытеснила старую	145
Часть 1	145
Часть 2	153

15. Убийца, Смерть и кошка	160
16. Законы мира. Лена и принципы	174
Часть 1	174
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Притчи. Часть 1

1. Ложное отражение

Желание понравиться не должно быть сильнее желания быть собой.

Отражение в зеркале смотрело на себя критическим взглядом. Хозяйка отражения – симпатичная девушка по имени Кристина, – казалось, смотрела на это отражение с ещё большим скепсисом. Всему виной стал оставленный каким-то идиотом комментарий под её фото: «Пышечка хороша».

Покрутившись перед зеркалом передом и задом, потрогав бока, оттопырив ягодички, Кристина была вынуждена признать, что 69 килограммов в отражении действительно позволяли назвать её пышечкой. Не то чтобы это стало для неё открытием, но прямым текстом никто никогда не говорил ей, что она толстая. Она была симпатичной девушкой с длинными русыми волосами, среднего роста, к тому же с видной грудью.

«Чтоб он на толстой женился!» – мысленно пожелала она «добра» оставившему злополучный комментарий.

В свои 20 лет Кристина была одинока, но никогда не ду-

мала, что с парнями её внешность могла создать проблемы. Не до них пока было. Она училась в двух институтах, и учёба съедала всё свободное время. Обещание любимой покойной бабушке через учёбу выбиться в люди выполняла с целеустремлённостью, не свойственной девушкам её возраста. Однако, как и все её сверстники, она была активным пользователем соцсетей, куда выкладывала частички своей жизни, интересы, а иногда даже пробовала флиртовать с другими, такими же одиночками.

В общем, была обычным половозрелым членом общества с активной гражданской позицией и мечтами выбиться в люди с большими деньгами.

И вот этот комментарий. «Пышечка». Как сказал бы преподаватель кафедры психологии, её «запустили ежа», который заставил её потерять покой. Мозг Кристины почему-то напрочь проигнорировал первую часть комментария, а именно слово «хороша», так как в голове засело презрительно-вульгарное «пышечка». Походив по комнате некоторое время, периодически оттягивая бока и кожу в местах, наиболее провокационно лишних, Кристина захандрила.

«Ну, вот и дожила. Стала толстухой. Даже, наверное, жиробасиной, чего уж тут скромничать перед самой собой», – начала она мысленный террор своему телу, с которым жила душа в душу двадцать лет.

«Нет. Так это оставлять нельзя. Если меня один комментарий так вывел из себя, то что будет, если я с парнем в он-

лайн такой коммент словлю?

Нужно взять себя в форму и похудеть. В здоровом теле здоровый дух. Что-то я в самом деле распустила себя. Бока висят, жопа не жопа, а таз без ручек. Спорт и диета. Меньше есть, больше двигаться – вот главная стратегия».

«Но почему ты должна себя менять после какого-то комментария, – вставил внутренний голос юридический обоснованный протест. – Завтра напишут, что ты уродина, и что, лицо пилить в кабинет врача пойдёшь?»

«Аргумент, – согласилась Кристина сама с собой. – Действительно, почему вдруг она так завелась?»

Ответ в голову не приходил, а вот слово «жиробасина», словно противное послевкусие, висело на языке.

День прошёл, и вечером Кристина решила, что утром пойдёт на пробежку. Встанет пораньше и в парк. За день её решимость изменить себя нашла поддержку в лице подружки Марго, которая была помешана на фитнесе и всем с гордостью демонстрировала свои кубики пресса.

– Подруга, давно пора, я всё не хотела тебе говорить, но ты реально выбиваешься из тренда. Все на здоровой теме сидят: не пьют, не курят. Вон посмотри, сколько спортзалов открылось за последнее время. Ты, мать, просто ботаник, тебе простительно. Но я давно хотела сказать, что пора вогнать иглу спорта в твои вены целлюлита.

Слова, конечно, не ахти какой поддержки, но тем не менее они стали дополнительным стимулом для развития мыс-

ленной битвы за новую Крис.

Внутренние возражения типа «не ходи на поводу у общественного мнения» больше не возникали. Крис была готова меняться.

Засыпая вечером в кровати, она мыслями была на пробежке в парке. Визуализация меняла одну картинку за другой: бег, пот, душ, весы и уменьшающиеся килограммы. Цель – 55 килограммов. «Я смогу. Я сильная и мотивированная личность. Все получится».

Будильник мобильного играл свою мелодию, с трудом пробиваясь сквозь сон Кристины к её сознанию.

«Вставай. Уже утро. Пробежка», – внутренний голос стучался с внешней стороны её сна, не в силах разорвать пути утренней дрёмы.

Все комментарии и жажда изменить себя потеряли былую остроту и животрепещущие краски, остановившись возле редута желания продолжить спать.

«Ещё пять минут, и встаю. Я же специально с заделом ставила будильник». И сладко свернувшись калачиком, поплотнее укутала себя одеялом.

Спустя два часа глаза резко открылись:

– Блин! Проспала, жиробасина!

Времени на утреннюю зарядку уже не было, и Кристина пулей помчалась в институт.

Только с четвертой попытки и трёх будильников она наконец-то заставила себя выйти в парк.

Но радужные картины о беге и весах быстро сменились ненавистью к бегу и тому состоянию, что он вызывает в неподготовленном организме. Крис тяжело дышала, вся в поту, красная и с бешеным сердцебиением пришла на тренировочную площадку. Часы показывали, что она пробежала километр.

«Да чтоб ты стал таким же толстым, грёбанный комментатор!» – выругалась она вслух своему состоянию.

Но постепенно мысли о том, что она молодец и всё же победила своё желание поспать, придали более позитивный настрой, и уже к концу зарядки чувство гордости за свою силу воли окончательно победили плохое настроение от раннего подъёма.

Неделя сменяла другую, Кристина упорно тренировалась и практически привыкла рано вставать. Состояние её физического и морального духа пришло в норму. Весы тоже не уступили напору и шаг за шагом сдавали свои позиции на шкале потерянных килограммов.

В какой-то из дней она даже мысленно сказала спасибо тому комментатору за новый этап в её жизни.

Так год пролетел одним днём.

Она начала носить обтягивающие лосины и дерзкие топы, всем своим видом показывая, что она модная, современная, спортивная девушка, заслуживающая аналогичного парня. Все успехи своего тела она старательно фиксировала и выкладывала в Сеть. Самолюбие ждало комментариев её побед,

и довольно часто так и получалось.

Когда до цели в 55 килограммов оставалось три с небольшим килограмма, Кристина начала замечать кубики пресса на своём животе. Теперь она почти с Марго на одном уровне.

Успехи в спорте и похорошевшая фигура позволили ей почувствовать себя чуть выше других девчонок с оплывшими боками и лишним весом. Ей хотелось подтолкнуть их к приведению своего храма в произведение спортивного искусства.

Иногда это желание становилось немного навязчивым – так ей хотелось поделиться своими успехами с другими пышечками. Целеустремлённость Кристины не всем нравилась, но сильно и не напрягала. Тем не менее её и Марго стали считать кем-то вроде фитнес-звёздочек в группе. Такой ореол популярности воспринимался Крис как часть успеха, к которому она готовила себя в жизни. Сила воли, целеустремлённость, планирование и учёба. Кристина была уверена: это фундамент её будущего.

«Все к лучшему», – иногда вспоминала она события годичной давности. Если бы она не сделала ту фотку, не выложила её в Сеть и тот знаковый комментарий не появился бы, то её тело так бы и оставалось той бесформенной массой, что сегодня вызывает улыбку.

«Эх я и жиробасина была». И довольная усмешка трогает губы от слова «была».

Весна заканчивала жаркий май. Впереди экзамены. Сего-

дня Кристина пробила вес 58 килограммов. От новой победы настроение было воздушным. Войдя в аудиторию, привычно подтянула животик, чтобы подчеркнуть свои наметившиеся кубики.

«Пирсинг ещё сделаю, и вообще глаз не оторвать будет. Здравствуй, мир 95–63–92!»

Но в аудитории никто не встретил её восторженными взглядами, к которым она начала привыкать. Только Марго привычным жестом поприветствовала её приход. Но даже её лицо показалось каким-то кислым.

– Привет, пышечка.

– Хай, скелетон. Чего такая никакая?

– Да нет, нормальная. Не выпалась просто.

– Секс-шпекс?

– Угу.

Марго наклонилась и тихонько сказала ей на ухо:

– Видишь, у Ленкиной парты аншлаг? Угадай, почему?

Крис, конечно, видела, когда вошла в аудиторию, что возле Ленкиного места собралось порядка восьми человек и они что-то там рассматривали, смеялись над этим и оживлённо обсуждали. Но о причинах этого аншлага она не догадывалась.

– Везёт дуракам и новичкам, – ехидно заметила Марго и рассказала Кристине причину.

Вернувшись домой, Крис вяло опустилась на кровать. Обняла плюшевого мишку и уставилась в потолок. Она думала

о Ленке, о себе, о жизни. Ленка, обычная, совершенно обычная, неспортивная, с лишними минимум десятью килограммами веса, пришла в институт и всех огорошила новостью, что победила в конкурсе нестандартных моделей.

Хотя какая она, к черту, модель? Обычная девчонка, Крис даст ей фору по внешности на сто баллов вперёд. Но тем не менее Крис со своей внешностью и кубиками была тут, а Ленка через месяц уезжала в Париж по контракту.

Когда после пар она подошла её поздравить, Ленка её обняла и сказала от души: «Спасибо». Единственное, что Крис смогла спросить, – это как она додумалась подать заявку на этот конкурс.

– Мечта, – ответила Ленка. – Я всегда мечтала стать моделью. Но я понимала, что никогда не смогу стать такой худой, как те, что на подиуме. У меня кость широкая. Да и поесть я люблю. Но знаешь, я посмотрела фильм с Мелиссой Маккартни. Она же толстая. Но такая классная. Весёлая и смешная. Она покорила Голливуд. И её нисколько не стесняли лишний вес и нестандартная внешность. Она просто взяла и победила их тем, какая она есть, всем шаблонам назло. И я тоже решила попробовать. Решила, что ничего не теряю. И вот случилось. Из всех кандидатов они выбрали меня и ещё трёх девочек. Крис, я так счастлива!

Слова Ленки стояли каким-то особняком в её голове. Как насмешка над теми ценностями, что она пропагандировала последний год.

Весь год Кристина гналась за целью, чтобы привести себя к золотому мужскому стандарту. Год она хотела стать другой, считала, что успех в старании и упорстве. А оказалось, всего этого можно и не делать.

Кристина не думала о старании и борьбе, через которые прошла Ленка. Она видела перед собой лишь результат. На её глазах человек сделал шаг в успешную жизнь, отказавшись менять себя. Просто поверив, что может, пошёл за своей мечтой. А что же она?

Чувство обиды возникло из ниоткуда и скатилось предательской слезой.

Крис не понимала, почему, но казалось, что все в мире дружно посмеялись над её былыми успехами, над побеждёнными килограммами и кубиками пресса.

Она лежала и пустыми глазами смотрела в потолок, пытаюсь найти там ответ, почему она пошла на поводу каких-то стереотипов. Почему не посмеялась в тот день и не сказала себе: «Люблю тебя, пышечка». Почему тогда и до последнего момента она решила, что, чтобы стать кем-то в этой жизни, нужно быть в тренде и соответствовать тому, что кому-то нравится?

Без ответов она уснула. Этот день снова изменил её жизнь. Она не бросила свои тренировки. Достигла цели. Но тот день дал ей нечто новое и ценное. Она на всю жизнь поняла, что успех и победы в жизни одинаково любят и худых, и толстых. Главное – научиться видеть в том, что есть, сильные стороны

и не гнаться за желанием угодить моменту. Их может быть очень много в жизни, этих моментов, и если всем угождать, то себя может и не остаться.

P.S.

Всем нестандартным людям посвящается. Быть собой и верить, что путёвку в жизнь получают не только красивые и стройные, – это удел сильных. Завидовать успехам и говорить, что кому-то повезло, – это удел слабых.

2. Начало

Если Бог создал наш мир: день, ночь, время и человека, то неужели он не предвидел драму в раю?

Мужчина в чёрной одежде неслышно вышел из-за кустов. Некоторое время он наблюдал, как обнажённая девушка мыла фрукты в прозрачных водах реки. Возле неё сидел заяц, стуча лапой. Выждав момент, человек в чёрном откашлялся.

Девушка повернулась к нему и улыбнулась жемчужными зубами.

– Здравствуй, друг. Я не слышала, как ты пришёл. Будешь есть? Я набрала свежих фруктов.

– Нет, спасибо. Я не голоден. Почему ты одна? Где твой друг?

– Он пошёл за орехами. Почему-то решил, что с южной части леса орехи вкуснее. Обещал прийти до заката солнца.

– Понятно. Ты не скучаешь без него? Сколько раз мы встречались, вы все время были вместе. Так непривычно видеть тебя одну.

– Я не скучаю. Я знаю, что он придёт, и мои мысли спокойны. Мы уже расставались однажды, когда он уходил искать красивый цветок. Решил, что мне нравятся цветы.

– А они тебе нравятся?

– Иногда их цвет вызывает во мне радость, а иногда –

грусть. Мне нравится переживать их красоту своими чувствами.

– Красиво сказано. Человек в чёрном присел рядом с ней на корточки и посмотрел в бездонные тёмные глаза.

– Ты знаешь, что такое чувства. А ты когда-нибудь испытывала страсть? Или любовь?

– Знакомые слова. Я про них уже слышала. Но не знаю их смысла. Что они означают? Как их чувствуют?

– О, – протянул человек в чёрном, – это восхитительно прекрасные слова. Они волшебные и дарят неземное блаженство, если их пустить в своё сердце. Они похожи на мёд своей сладостью и одновременно полны соком свежести, словно самый сочный и спелый апельсин. Они вызывают смех и слезы, умиротворение и безудержное влечение. В них скрыты огромная сила и великое желание.

Любовь похожа на глоток холодной горной воды для пересохшего горла, её пьёшь и не можешь напиться, а страсть наполняет тело трепетом, как будто кожи касаются одновременно тысячи травинок, чьи тонкие окончания вызывают мурашки от кончиков пальцев до макушки.

Их нельзя почувствовать, ни разу не вкусив, и нельзя забыть, после того как хоть раз испытал их волнение в своей крови. Любовь живёт в каждом сердце и всегда наполняет своими звуками самый потаённый уголок этого места.

Каждое слово человек в чёрном говорил, но девушке казалось, что он поёт. Как будто его голос играл особенную ме-

лодию, что поют птицы, про которых он только что говорил, в то самое время – один раз в год. Тембр голоса придавал особые нотки каждому сказанному слову, и она как будто сама ощутила, что поёт. Как те невидимые птицы, что мешают спать, переливаясь пением друг с другом, один раз в год.

Она вдруг почувствовала, что слова друга каким-то особым образом заиграли красками на её щеках, приоткрыв губы и заставив грудь подниматься и опускаться чаще, чем обычно. В животе появилась тяжесть, а в голосе невольно проскользнул странный звук. Словно она сладко зевнула, но очень коротко. Дыхание ещё более участилось. Ей хотелось, чтобы человек в чёрных одеждах продолжал говорить о любви и страсти. Его голос казался тем самым ручьём, о котором он говорил, а ей вдруг ужасно захотелось пить.

– Продолжай говорить, – вымолвила она через силу каким-то скованным голосом. – Как можно испытать любовь? Что нужно сделать, чтобы почувствовать себя, как те поющие птицы?

– Дитя моё, нет смысла много говорить о любви, поскольку не в словах её сила, а в чувствах. Любовь нужно чувствовать. Но для этого нужно иметь смелость. Смелость, чтобы идти за ней сквозь бездну.

– Я смелая. Не знаю, что это значит, но уверена, что я смелая. Покажи, куда идти.

– Никуда идти не нужно.

Человек в чёрной одежде вытащил из кармана яблоко.

Осторожно положил его тонкими пальцами себе в левую ладонь, одновременно протягивая его девушке.

– Что ты видишь, глядя на это яблоко?

Девушка внимательно взглянула на яблоко.

– Оно спелое. Скорее всего, сочное. В целом обычное.

– Посмотри внимательнее.

Тембр голоса его снова изменился, и в этот раз яблоко словно подменили. Его сочность и спелость пробудили голод. Ей захотелось укусить его. Безудержное желание почувствовать, как сок спелого плода наполняет её рот, стекает с губ на подбородок, запульсировало в голове. Во рту появилась слюна.

– Мне его хочется. Не знаю, почему, но мне очень хочется насладиться спелостью его плода. Мне кажется, это самое вкусное яблоко, что я видела в нашем лесу.

– Этот плод не из вашего леса. Ты права, оно действительно самое вкусное, потому что особенное, – говоря эти слова, человек в чёрных одеждах поднёс яблоко к губам, ноздрями вдыхая аромат. – Это яблоко свободы выбора, который меняет вкус самой жизни. Ты когда-нибудь задумывалась, почему красивое так прекрасно? Почему ночное небо, усыпанное мириадами звёзд, поражает, а закат притягивает взгляд, и невозможно оторваться от него?

– Нет, почему?

Её дыхание уже не принадлежало ей. Она пыталась контролировать свой голос, но выходило так, что он становился

ещё более слабым и сиплым. Он был не её.

– Потому что в них есть страсть, смешавшая краски обыденности своей энергией. Страсть – это грех, то содержимое, что делает чёрное чёрным, подчёркивая чистоту белого. Что было бы, если бы ночное небо было просто чёрной полоской над головой?

Человек в чёрных одеждах повернул своё лицо к девушке, держа яблоко на ладони.

– Ничего. Ты бы не смотрела в его чудесную глубину, потому что взгляду не на чем было бы остановиться. Простое чёрное небо не вызывает чувства прекрасного. Но когда в нём есть звезды – совсем другое дело. Звезды – это страсть чёрного неба. И они делают его прекрасным, заставляя нас лежать и мечтать. Маленькие белые точки превращают огромное чёрное полотно в рисунок, на котором можно найти свой портрет, если захотеть. А закат! Что в нём особенного? Солнце? Когда солнце печёт твою голову днём, в нем нет никакой красоты. Оно одно хозяин дневного света, и смотреть на него нет никаких сил. И только столкнувшись с наступлением хозяина ночи, в нём раскрывается истинная красота. Приближающаяся ночь раскрывает его величие в самых разных красках, и ты сидишь и смотришь, как оно скрывается за океаном, окружённое покрывалом из облаков, разрезая небесный свод цветами радуги, и кажется, что сам небесный творец смешал их, чтобы ты могла насладиться и впитать в себя красоту этого мира.

Прекрасное познаётся через свою противоположность. Наш мир создан таким образом, что познать одно без принятия другого невозможно. Грех, который впитал этот плод, раскроет твои глаза на мир, наполнит его сочным содержанием, поможет познать, что такое истинная любовь.

Понять, что такое страсть, можно, только сгорая от огня нетерпения в ожидании встречи с любимым. Понять, что такое любовь, нельзя, не прикоснувшись к греху.

Она слушала, а в ушах стоял шум. Или звон. Или какие-то посторонние голоса все разом заговорили, стараясь приглушить очарование голоса человека в чёрной одежде. Но он словно почувствовал эти помехи, приблизил своё лицо. Практически касаясь её, оставив всего несколько миллиметров между её ухом и своими губами, он продолжал говорить.

– Не слушай никого. Вам всегда говорили, что любовь, наполняющая ваш сосуд жизни, – это душа бога, и она делает вас равными ему. Она делает вас чистыми и незапятнанными, и наверняка он запрещал вам даже слушать слово грех, не говоря уже о запрете покидать этот лес.

– Он всегда говорил, что чистота не требует подтверждения своей чистоты, ибо ей не нужно доказывать, что грязи нет. Невинность сильна в своей непогрешимости, поскольку грех делает её слабой и зависимой от доказывания, что она чиста и непорочна.

Слова слетели с её губ неожиданно твёрдым и сильным

голосом, так что она сама не ожидала. Более того, она даже не хотела говорить этих слов, но они вдруг из ниоткуда возникли в голове. Её взгляд немного просветлел от звука собственного голоса, но она продолжала смотреть на яблоко.

Улыбка тронула губы человека в чёрной одежде.

– Твоя невинность, дитя, никогда не позволит стать тем, кем ты на самом деле являешься. Твоя сила не пробудится и страсть не разожжёт сердце, покуда чистота его души, его частичка, живущая в тебе, не позволяющая мне дотронуться до твоей кожи, будет ограничивать твою свободу и твой выбор. Твоя божественная красота и природа должны быть освобождены, чтобы изменить этот мир и наполнить его новыми эмоциями, которыми он сегодня обделён. Ты не сосуд, созданный для хранения ценностей, ты человек, по сути – бог, но он считает тебя лишь своей маленькой копией.

Ты можешь оставаться запертой в этом лесу и хранить сосуд его безгрешности, просыпаясь каждое утро под одним и тем же небом. Но разве тебе не хочется разделить с миром свою любовь. Да, да, именно свою любовь, потому что в мире много греха, но ему не хватает той чистоты и невинности, что скрываются в этом саду.

Если ты попробуешь это яблоко, то ты наполнишь мир новыми чувствами, ты откроешь свой сосуд и дашь миру всё то, что наполняет тебя чувствами и радостью каждый день. И это будет начало нового мира, который не ограничен садом и только твоим другом. Он намного больше и прекраснее, чем

ты даже можешь представить.

Познай настоящую любовь, раздели своё тело с грехом, и тогда ты поймёшь, о чём раз в год поют птицы, что говорят звери, встречая свою пару в лесу, каждый раз когда природа проходит этап обновления. Ты приблизишься к пониманию своего божественного начала, что даёт жизнь мирам и вселенным. Просто вкуси прелести доброй воли и свободного выбора, не ограниченного пустыми словами о чистоте, которой на самом деле тебе никогда не понять.

Его рука приблизила яблоко к лицу девушки. Её глаза ярко блестели, губы были приоткрыты. Она, не отрываясь, смотрела на яблоко в руке человека в чёрной одежде.

В это мгновение солнечный свет скрылся за тучей, из ниоткуда появившейся на голубом небосводе.

3. Выбор

*Мы всегда будем стремиться туда, где нас нет,
хотеть того, чего у нас нет, и жить не так, как
сейчас...*

Воздух задрожал от резкого голоса девушки:

– Разве нужно что-то доказывать истине? Она одна, и в этом её сила. С любой стороны посмотри, и её смысл всегда будет один, и одна грань. Разве не ложь сделает её многогранной?

Слова, не принадлежащие её мыслям, слетали с губ, и она не понимала, почему до сих пор не вкусила плод. Шум в ушах усилился, и голоса слились в одну сплошную какофонию звуков, среди которых пробивался голос, за которым она неожиданно для себя повторяла вслух.

Человек в чёрной одежде снова снисходительно улыбнулся в пустоту:

– Дитя моё, даже сейчас он лишает тебя выбора, выражая за тебя мысли, которые не твои. Он боится, что ты покинешь эту сладкую темницу и перестанешь быть шкатулкой, в которой можно хранить только его ценности.

Голос перешёл на шёпот. Глаза закрылись, и он снова потянул воздух вокруг яблока своими ноздрями.

– Но что, если я тебе скажу, что он сам, своими руками дал

мне это яблоко, чтобы я предложил его тебе? И он просил меня принести его тебе. И если это не так, то пусть меня поразит небесная молния.

Он открыл глаза и пронзительно посмотрел на неё.

Девушка отвела взгляд от яблока и посмотрела в глаза человека в чёрной одежде. Зависла пауза, во время которой две пары глаз искали друг в друге ответы на свои желания.

– Почему, друг, почему он просил тебя дать мне то, что запрещал сам? Разве не для того чтобы проверить, как я слушаюсь его? Почему он сам его не дал или не указал, где можно сорвать такую красоту?

Человек в чёрной одежде выставил яблоко между своим лицом и лицом девушки. Его голос стал еле слышным, так что она невольно приблизила своё лицо ближе к его губам, скрывшимися за яблоком.

– Он лишь один цвет мира. И не умеет рисовать цветные картины. Как может он давать это и рассказывать о том, что ему неизвестно? Как может тепло греть незамёрзшего человека? Как может заяц учить волка, как есть мясо? Как можно проверить выбор, не дав того, с чем сравнивать?

– Но зачем его проверять? – в голос девушки вернулись прежние нотки: сдавленность и придыхание. Яблоко перед глазами снова завладело всем её вниманием.

– Познать себя и свою природу. Творец не сможет творить без вдохновения. А оно приходит, только когда сила одних мыслей побеждает другие. Когда борьба смешивает в хо-

роводе разные чувства, а сердце делает выбор в гармонии и согласии своего предпочтения, которые нельзя постичь без вкуса противоположности. Он хочет, чтобы ты вкусила этот плод и дала ему свободу, которой у него нет. Чтобы сила его творения вышла в мир и напомнила любовью, томящейся в этой темнице, другие вселенные.

Он попросил меня, потому что боится признать, что у него нет смелости изменить то, что он создал. Помоги ему найти себя, найди в себе силы быть более смелой, чем он. Открой своё сердце, и тогда ты поймёшь, как много потеряла в этом скучном и однообразном мире закатов и рассветов. Без борьбы, без пота и крови, без страсти, без настоящей любви. Ты увидишь цвета, которые не передаст ни один цветок в этом саду, ощутишь вкус, который придаст новый аромат любой ягоде и плоду, растущим в этом лесу. Наконец, ты согласишься на своего друга глазами, которые никогда не видели в нём того, кем он есть.

Представь себе его глаза, в которых будет только твоё отражение, его руки будут обращаться с тобой, как с самым красивым цветком, что ты нежно укрывала в тени от зноя и поила водой, когда он этого просил. Тепло его тела всегда будет согревать тебя, когда ночь будет скрывать солнце.

Ты почувствуешь, как его губы станут твоими губами, как энергия его силы проникнет в твоё тело, и блаженство новой жизни взорвётся рождением истинного творца, который ждёт, чтобы ты приняла этот дар.

Глаза девушки расслабились, взгляд расфокусировался. Яблоко перед глазами превратилось в одно сплошное пятно. Вместо него перед глазами проносились картины, про которые говорил мужчина в чёрной одежде.

В эту минуту её сознание пронзила мысль, что практически всё, о чём он говорил, было ей неизвестно. Она не знает, что такое океан, что такое жажда, пот и кровь, она совершенно не представляла себе, как выглядят другие люди и о какой любви, спрятанной в ней, говорил человек в чёрной одежде. Но когда он говорил, она всё это видела и представляла, она буквально знала, о чём он говорит, и от этого её кровь бурлила, а голос перестал слушаться. Все мысли сосредоточились только на одном: «Я хочу попробовать яблоко, хочу испытать страсть, о которой он говорит, я хочу познать, что такое грех».

P.S.

Мужчина в белой одежде с красивым лицом задумчиво смотрел в сад, раскинувшийся у подножия гор. Яркое синее небо отражалось в его голубых глазах.

– Мне нелегко это говорить, но думаю, время пришло.

Его голос, тихий, без эмоций чётко прозвучал в пространстве, несмотря на то, что он находился на открытой поляне, окружённой деревьями, постоянно перешёптывающимися друг с другом шелестом листьев.

Человек в чёрных одеждах повернул голову и внимательно посмотрел в лицо говорящего.

– Твоя уверенность в тебе говорит или сомнения?

– Сила, – ответил мужчина в белых одеждах, не поворачивая головы. – Много вариантов исходов было до этого момента. Ни один не давал шанса рождению нового начала, либо рисунок был очень слабым. Сегодня появился наиболее сильный, чей вариант развития событий не прерывает движение.

– Хм. Вот уж никогда бы не подумал, что ты захочешь идти путём наверняка. Будешь ждать, опасаясь ошибки.

– Дело не в ошибке. Они неизбежность, как и твои действия. Сильный рисунок показывает высокую возможность появления нового в начале. Для меня это, безусловно, предпочтительнее иных вариантов.

Повернувшись к человеку в чёрном, он указал на стоявший в середине поляны стол:

– На столе ты найдёшь всё, что нужно. С кого начнёшь?

– Не знаю. Ещё не думал об этом. Твой выбор? Что показывает исход?

– Ты знаешь ответ на этот вопрос. Твой выбор не может быть привязан к моему знанию. Мне просто интересно, чем ты будешь руководствоваться при выборе: слабостью, чувствами, новизной, любовью или своим путём пойдёшь?

– Знаешь, если честно, мне не хочется это делать. Они такие милые. Сегодня мы беседовали в лесу и они вместе рас-

сказывали о том как прекрасен апельсиновый сок, если его выжать в большом количестве. Просто сок. В них слишком много тебя.

– Раньше тебя это не останавливало.

– Сам не знаю. Наверное, это и есть старость. Как представляю, что ждёт впереди, не по себе становится. Уверен, это твои проделки. Может, есть шанс, что устоят? Мне бы хотелось, чтобы в этот раз получилось.

– Шанс всегда есть. Очевидное и наиболее вероятное не более чем ожидания. Иди. Твори свой путь.

– Если они падут, не вмешивайся и не помогай. Пусть первое время будет только моим. Я имею право на время на свой выбор.

– Не перегни палку.

– Что ты. Просто решил попробовать отыгаться на детях, если все же я не потерял хватку.

– Если ты думал, что я поверил в твои речи о старости и дрогнувшее от апельсинового сока сердце, то не поверил. Так что оставь свои просьбы при себе.

– Попытка не пытка, – улыбнулся человек в чёрных одеждах и направился к стоявшему посередине поляны столу.

– Мне кажется, тут слишком большой выбор. Помогите мне.

На столе лежали различные виды фруктов: спелые ананасы, киви, мандарины, яблоки, апельсины и манго. Проводя рукой по их поверхности, человек в чёрных одеждах как бы прислушивался к своим мыслям. Будто бы разговаривал с

каждым фруктом и слушал, что ему отвечают.

– Я выбрал. Пусть в этот раз будет яблоко.

Человек в белом повернулся и так же направился в сторону стола. Остановившись возле человека в чёрном, он наклонился и взял с центра стола яблоко. Его тонкие, изящные пальцы покрутили его, как шар. Опустив его на уровень своих глаз, он обратился к человеку в чёрном.

– Доброта, которой ты боишься изменить своё существование, не исчезнет после того, как я отдам тебе это яблоко. Любовь найдёт путь в мир и будет жить рядом с тобой, даже если ты откажешься её видеть без части себя. Свободный выбор поддержит баланс сил, и движение не прервётся. Я прошу тебя принять это яблоко, чтобы ты мог использовать свою силу и начать движение. Пусть выбор будет свободным, а время в исходе покажет, насколько он был верным.

P.P.S.

Вечер стремительно ворвался в лес, накрыв всех обитателей приятной прохладой. Бесконечное количество живности, светящейся, копошащейся и жужжащей в темноте, наполнило воздух новой энергией.

Обнажённый мужчина лежал на земле. Его взгляд был устремлён в чёрное небо, мысли блуждали без цели. Он ждал, когда придёт она, та, для кого он ходил на другой конец леса за орехами. Ему нравилось думать, что он делает

что-то ради неё. Не зная, почему. Но именно для неё. И цветы, и орехи.

Его сердце стучало одним тактом, спокойно и непринуждённо. Без волнений. Неожиданное прикосновение тёплой руки к его груди сбilo темп. Он резко повернул голову, но увидел только распущенные волосы, водопадом закрывшие полную луну, после чего темп биения его сердца изменился навсегда.

4. В моём мире я Бог?

У каждого бога есть страх познать забвение

Она открыла глаза. Вокруг стояла тишина. Странная и непривычная тишина. Лес никогда не бывает абсолютно тихим. Сейчас же он словно вымер. Это её встревожило. Странное слово, сути которого она не знала раньше.

Её друг спал. Она ощущала тепло его тела своей спиной. Приподнявшись, она увидела человека в белых одеждах. Он сидел на камне и, не отрываясь, смотрел на неё. Его лицо было спокойным. Голубые глаза были столь яркие и одновременно настолько безмятежно грустные, что ей захотелось смотреть в них бесконечно долго, черпая внутреннее спокойствие, которое сейчас вытеснила тревога.

Внезапно ей стало неловко. Она поняла, что обнажена. Стыд. Этого чувства раньше не было, отчего в голове возникла мысль, что нужно прикрыть грудь.

– Здравствуй, друг. Почему ты молчишь и просто смотришь? Как долго ты сидишь в молчании?

Человек в белых одеждах не пошевелился. Его взгляд переместился на её друга, который поднял голову от шума её голоса.

– Сегодня я пришёл к вам в последний раз. Поэтому я смотрю на вас без слов. Наслаждаюсь моментом. Сегодня

вы покинете этот сад. Он больше не сможет вас защищать и кормить. Я пришёл проститься. Вчера вы ослушались моих слов. Вкусили яблоко греха. Отныне ваша жизнь никогда не будет прежней.

Вчера вы сделали выбор, сегодня вам предстоит нести за него ответственность. Теперь каждый ваш шаг в мире будет тем или иным образом связан с выбором и ответственностью за него.

Я больше не приду и не помогу вам. Не смогу разделить с вами еду и обнять на прощанье. Еда, которая была в изобилии, больше не будет доступна. Вам придётся её добывать. С сегодняшнего дня вы перестали быть моей плотью и кровью и обрели свою жизнь. Теперь у вас есть имена. Тебя будут звать Ева, а тебя – Адам.

Однако то, что вы не сможете меня видеть, не значит, что вы не услышите меня. Я всегда буду рядом. Здесь и здесь, – его рука коснулась виска и области сердца. – В любой момент вы можете со мной поговорить, хотя я и не дам совет и не подскажу верный путь, я всегда выслушаю ваши просьбы, чтобы вы знали, что не остались одни.

Отныне вы переходите в мир исполнения ваших желаний, где найдёте всё то, о чём говорил человек в чёрной одежде. Вы сделали свой выбор, решили испытать себя и пройти путь постижения и совершенства мира прекрасного через ужасное, а созидательного – через разрушительное. Открытия в нём будут разные, и не всегда вы и ваши дети сможете усто-

ять перед соблазнами мира, который захотели постичь.

Поскольку человек в чёрном теперь также занимает своё место в вашей жизни, то его голос всегда будет противоположным моему голосу, и он всегда будет с каждым из вас. И вы не сможете отличить, кто из нас в белом, а кто в чёрном. Вам нужно будет учиться узнавать меня, чтобы сохранить и развить ту часть, что я оставил в каждом из вас.

Он говорил без остановки. Без пауз. Будто не дышал.

– Но почему? Друг в чёрном сказал, что ты сам дал ему то яблоко. Разве ты не хотел, чтобы я его попробовала? Разве он сказал ложь?

Лицо человека в белой одежде смягчилось, но глаза наполнились болью.

– Ты уже знаешь, что такое ложь. Путь открытий начался. Нет. Он сказал правду. Я дал ему то яблоко.

– Но зачем? – воскликнул Адам, перебивая. – Разве твоя любовь закончилась, чтобы лишать нас себя?

Человек в белой одежде закрыл глаза. В этот момент и Адам, и Ева почувствовали боль. Не просто боль, а настоящие, внутренние муки, о существовании которых они даже не подозревали. Крик боли вырвался из груди каждого.

– Вот насколько больно мне от твоих слов, Адам. То яблоко было началом. Оно же могло стать концом. Я дал его ему. Но лишь для того, чтобы понять, насколько вы сможете быть ближе ко мне, чем к нему.

Все слова, что он говорил вчера, имеют двойное содержа-

ние. Мои слова означают только то, что я говорю. Он был прав: для меня один цвет – белый – отражает всю истину мира. К сожалению, его цвет вам показался более интересным.

– Но почему мы должны уйти? – Вопрос Евы прозвучал обессиленно, без намёка надежды на иной исход.

– Сад уйдёт. Он уже стал другим. В нём уже нет ни птиц, ни зверей. Вы окажетесь среди других людей. Похожих на вас плотью и кровью. Вам будет, чем поделиться с ними.

Отныне ваша жизнь будет всегда на грани выбора между чёрным и белым. Любой выбор будет верным. Только последствия будут отличаться. Если все получится, то мы снова встретимся в конце вашего пути. На этом самом месте. И вам будет, о чём мне рассказать.

Ева чувствовала, что слова застряли в горле и все возражения безмолвно тонут. Ей хотелось кричать и плакать оттого, какая боль была на лице человека в белой одежде, оттого, как она сопереживала его страдания.

– Адам, тебе придётся работать. Много работать. От восхода и до заката солнца. Ева, твоё тело познаёт муки: боль и радость освобождения от плода. Ваш ребёнок уже начал свою жизнь после этой ночи. Вам нужно помнить про белое и чёрное. Чтобы он нашёл свой цвет и продолжил ваш путь возвращения домой.

– Почему ты сам не дал нам это яблоко? Почему выбор должны были сделать мы? Почему человек в чёрной одежде?

Вопросы Евы прозвучали тихо, но в глазах были смирен-

ность и твёрдость принятия того, что сделано. И ещё интерес. В её в глазах стоял искренний интерес и желание познать суть происходящего.

Человек в белых одеждах поднялся. Сделал два шага навстречу, протягивая свои руки к ним.

– Возьмите меня за руки. Сейчас мы одно целое. Между вами связь идёт через меня. Мои руки дают вам возможность жить и чувствовать меня, как если бы мы были в одном теле. Но они же и разделяют вас, потому что вместе мы одно целое в разных телах.

Яблоко не может само создать червя, который его съест. Червь всегда приходит со стороны. Я не мог вам дать это яблоко, поскольку я не могу сам себя пожрать. Для этого есть другой. Его сила сдерживается моей силой. Мои миры пробуют на прочность его. Он должен был дать вам яблоко, чтобы проверить мою силу. Его познание моей силы происходит через вас.

Есть вещи, которые невозможно постичь и понять, не пропустив их через свою жизнь. Они очень сильные. В них заложено изменять, ломать, калечить, но также обновлять и создавать. Ваши жизни и жизни ваших потомков будут проходить в постоянном соприкосновении с силой этих событий.

Вам нужно научиться сохранить и не изменить вашу сущность, проходя через них. Не ослабнуть и не сломаться. Потому что потом будет следующий этап, и, проходя через него, вам уже не нужно будет пытаться устоять. Он будет делать

вашу сущность сильнее. Если все пройдёт правильно, то мы встретимся в конце третьего пути.

После этих слов он поднялся. Они всё ещё держали его за руки, не желая отпускать, наслаждаясь его присутствием.

– Вам пора.

Адам и Ева отпустили его руки. Им тут же стало холодно. Они поняли, что стоят на камнях, хотя только что здесь была трава.

– Идите. Вам нужно тепло. Оно найдёт вас у подножия горы.

Небольшая заминка. Словно не решаясь высказать вслух свои мысли, он медлил. Затем наклонился и поднял маленький камушек.

– Когда вам будет трудно, когда вокруг не будет надежды, когда ночь покажется бесконечно долгой, вам захочется призвать мою помощь. Вы будете искать меня и просить вас помочь, дать сил и терпения выдержать испытания. Вы будете думать, что они уготованы вам мной.

Вот камень. Сейчас он часть этой горы. Он и есть гора. Но после того, как вы возьмёте его с собой, он перестанет быть горой, не переставая быть камнем.

Вы часть меня. Здесь и сейчас мы как гора. Спустившись вниз, вы обретёте своё я, но при этом вы навсегда останетесь частью горы.

В этот момент он приложил ладонь с камнем к своей груди.

– Это значит, в минуты отчаяния и тьмы вам нужно помнить, что гора не разлучает себя с камнем. Не чинит ему препятствия и не устраивает испытаний. Поскольку он её часть.

Значит, ночь не более чем ночь, а мгновения без надежды не что иное, как миг, в котором вы хотите забыть, кто вы есть.

Я часть вас, а вы часть меня. Вы всё сможете преодолеть. Всегда сможете. Только помните, кто вы и какой сделали выбор. Потому что только благодаря ему мы расстаёмся. Из-за него вы окажетесь там, куда приведут вас ваши ноги. Только он и ничто иное приведёт вас в любую безнадёжную ситуацию. И если выхода не будет, значит, такова ваша воля, а не моя.

Я же говорю вам, что выбор приведёт вас к моменту, из которого всегда будет дверь, открываемая вашим желанием свободы.

И последнее. Ваши жизни начнут подчиняться времени. Подъем солнца и его закат станут отмерять минуты ваших жизней. Но вам нужно запомнить и передать это вашим потомкам: время управляет, и оно же подчиняется, и каждый сам должен решить, как его использовать в своей жизни.

После чего отвернулся и пошёл неслышным шагом в сторону вершины.

Всё время, пока он говорил, Ева молчала. Она лишь смутно представляла, о чём его слова. Она понимала, что в них заключена мудрость, но её женский ум не переставал мучить

один вопрос. Он крутился на языке, так что она даже касалась пальцами губ, словно останавливая себя, чтобы не перебить его. И только когда он замолчал, она перестала сдерживать себя.

– А что было бы, если бы я не взяла яблоко? – крикнула она ему в спину. – Тогда бы друг в чёрной одежде проиграл. Его червяк не смог бы пожрать яблоко.

Он остановился. И, не поворачивая головы, произнёс:

– Его всегда кто-то берёт. Либо ты, либо Адам. И каждый раз я познаю боль, которая в его силе, каждый раз чувствую смрад этого червя, а потом жду, когда мы снова сможем взяться за руки, как сегодня, в последний раз.

P.S.

В это время у подножия горы человек в чёрной одежде вёл свой разговор в окружении мужчин и женщин. Их было немного.

– Легче всего человек примет вас и вашу правду, когда он слаб. Те двое, что спускаются, не знают слабостей. Но им же и неведомы их сильные стороны. Поэтому нужно показать одно через другое. Они очень важны. Но они не главное. Они начало. Они должны вас принять как пищу, что будет их радовать после голодных времён. Они должны стать вашей родней, а вы – их семьёй.

Слабость. Чем человек слабее, тем сложнее ему сопротив-

ляться искушению. Это правило номер один. Он всегда пойдёт путём вашего совета в минуты, когда будет истощён душевно и физически.

Второе. Всегда ищите возможность поднять человека над другими людьми. Только там, находясь над их головами, он сможет понять, насколько он велик, по сравнению с теми, чьи головы будут у его ног. Исключительность одного пустит кровь другого, чтобы занять место того, кто выше. Давайте людям чувствовать их исключительность, и они будут есть с ваших рук.

Третье. Самый простой и эффективный способ стать частью их жизни – это манипуляция. Играйте с их эго. Вызывайте у них желания. Пусть сравнивают свои жизни с другими. Они постоянно должны чувствовать неудовлетворённость своим положением, своей жизнью. Они сами не заметят, как растворятся в ваших советах, как начнут завидовать, красть, убивать ради стремления быть лучше и богаче других. Ваш голос должен быть сильнее, чем его. Но при этом они не должны понимать, что ваш голос это не его. Они должны считать, что на то воля его.

При правильном использовании этих простых правил в конце пути убийств и грехов, совершенных ради его имени, будет не меньше, а то и больше, чем всех дел праведных.

Все сидящие в кругу слушали молча. Никто не задавал вопросов и уточнений. У всех были решительные лица людей, знающих, что делать и как поступать, в той или иной

ситуации.

Наконец, человек в чёрной одежде повернулся к молодому мужчине, одетому в наиболее дорогую и изысканную одежду. Красивое и ухоженное лицо притягивало взгляд своей правильной формой и некоей внутренней силой, исходящей изнутри.

– У тебя будет особый дар. Время. С того мгновения, как яблоко сделало своё дело, время получило свободу. У тебя будет право его контролировать. Чем ближе ты станешь их жизням, тем сильнее ты будешь. Чем тебя будет больше, тем ближе будет время к исходам событий твоих решений. Нельзя отпускать время. Оно главный козырь. И оно должно бежать в нашем направлении, иначе рано или поздно они найдут способ им управлять. И тогда наше преимущество исчезнет.

Они уже идут, – его палец указал в сторону горы, – и кроме его слова у них нет ничего. Они – пустота с ожиданием сказки. Я хочу, чтобы сказка была написана по нашим правилам.

Человек с красивым лицом согласно кивнул. Все молча встали.

– Гармония этого мира нарушена. И пусть она никогда не будет восстановлена, покуда последний человек не отречётся от данной ему силы и свободы выбора.

После чего человек в чёрной одежде опустился на колени, зачерпнул руками две горсти земли, поднёс их к губам и тихо

подул.

Едва заметная тропка, сбегаящая с горы, изменила свою форму. От неё стали идти ответвления, по краям которых появились зелёная трава и деревья. Спустя несколько минут место было не узнать.

Там, где сидел круг людей, образовалась мини-полянка, от которой уходило в разные стороны множество тропинок. Часть из них выделялась ухоженностью и красотой, другая часть была заброшенной и каменистой. Изначальная тропка потерялась, и понять, куда она вела, изначально более не представлялось возможным.

– Только наши пути будут указателем к лучшей жизни, где у зла не будет проигрыша добру, потому что само зло будет там считаться добродетелью.

P.P.S.

Адам и Ева остановились на небольшой полянке. Весь день они спускались с горы, и вот, наконец, её подножие. Неожиданно для них единственная тропка, по которой они шли, исчезла, растворившись среди утоптанной травы, уходя в разные стороны отчётливыми рисунками новых троп.

Яркая и сочная трава буквально манила продолжить путь в направлении одной. Другая пестрела множеством цветов по краям, уводя взгляд в сторону садыщегося за кромкой леса солнца, как бы подсказывая, что впереди ждёт такая же

красота, что была на небе.

Выбор был велик. И первые сомнения мелькнули в мыслях влюблённых.

Ни словом не обмолвившись, держа друг друга за руки, они сжали ладони и пошли в сторону едва заметной тропки, не выделяющейся ни травой, ни цветами. Они шли молча, сжимая ладони, и чувствовали острые края впившегося в их кожу камня. Ладони всё сильнее его сжимали, придавая сил и проясняя мысли. Он словно говорил им, что вместе они гора с тем, кто всегда с ними, и решительность развеяла мелькнувшие сомнения первого свободного выбора людей.

5. Справедливость

Можно всю жизнь под кого-то подстраиваться и прожить длинную жизнь. Но твоя ли она будет?

Она проработала в системе тридцать пять лет. Из них двадцать восемь лет – судьёй разных уровней. Жизнь, казавшаяся столь перспективной и полной надежд на светлое будущее, осталась где-то в далёкой молодости. Амбиции, служение народу, правда и правосудие. Столько важных для смысла жизни слов и столь же бессмысленных по прошествии всего лишь тридцати пяти лет.

Людмила Васильевна Хрипунова, федеральный судья одного из центральных и самого провластного судебного участка города, рисовала дрожащей рукой звёздочки на листе бумаги, сидя в своём кабинете.

Воспоминания были своеобразным флешбэком на приговор, который она должна была вынести по последнему делу. Приговор как приговор, но, положив руку на сердце, не приговор, а очередной штамп на судьбе невинной девушки, вставшей на пути не того человека.

Людмила Васильевна была не обычным судьёй, а привилегированным. Открыто это никто не говорил, но все знали, что она рупор власти, рассматривает дела, имеющие прямое или косвенное отношение к посягательствам на власть. Вла-

сти не нужны были независимые судьи, этот демократический бред записан в Конституцию для утешения малоимущих.

Судьи нужны и должны были быть управляемые и контролируемые. Кто не признавал это неписаное правило и отказывался снимать розовые очки надежд на свою независимость и объективность, очень быстро ряды Фемиды оставлял, ища повод принести пользу обществу в гражданской жизни.

Те же, кто оставался, вели почётную жизнь с защитой и неприкосновенностью. Но были и такие, кто в силу личных амбиций шёл дальше и кого со временем замечали. Такие, кто ловил ветер перемен и быстро вёл свою лодку правосудия в воды беззакония для поддержания работоспособности системы. Ну и для заправки этой лодочки топливом.

Двенадцать лет Людмила Васильевна управляла именно такой лодочкой, верой и правдой вынося спорные и громкие решения по делам, что поручались далеко не всем. За свою преданность и лояльность ей было позволено то, что называлось «бонусом к зарплате добросовестного судьи».

Семья Людмилы Васильевны могла позволить себе декларировать доходы, о которых органы безопасности лишней раз не спрашивали. И если простой судья нёс трясущимися руками отчёт о любой поступившей на счёт семьи сумме, то привилегированный делал это, не заботясь о последствиях.

Такова была цена сделки с совестью, заключенная двена-

дцать лет назад. И все двенадцать лет справедливость была тенью, прятавшейся в углах её заседаний. Она без малейших угрызений совести ломала и калечила неугодных как власти, так и тем, кто власть защищал, вынося мотивированные политические и уголовные приговоры.

Предательская слеза задержалась на кончике носа, потом, подчиняясь силе тяжести, полетела на листок, растворя чернила и вспучивая бумажные волокна. Она всё равно держалась. Закусывала губу, сжимала глаза, пытаясь не выпустить накопившуюся во влаге боль.

Сегодняшний день ничем не отличался от других. До обеда. А после обеда ей сообщили, что её дочь погибла. «Мама, Лена умерла. Авария. Не смогла до тебя дозвониться. Я в больнице. Со мной всё хорошо. Алла».

СМС от младшей дочери. Через тридцать минут она должна была выйти из совещательной комнаты и зачитывать приговор. Могла этого не делать и перенести заседание.

Звёздочки на бумаге размазались, да и сама бумага превратилась в бесформенную кашу под воздействием слёз и ручки.

Людмила Васильевна втянула воздух носом. Сделала глубокий выдох. Сжала ручки до побелевших костяшек. Губы содрогнулись не в силах сдерживать новую волну боли и горя. Тихие слёзы потекли ручьём. Мать, потерявшая дитя, победила сухость и беспристрастность воли судьбы, чьи усилия держать себя под контролем вели отчаянную борьбу послед-

ние пять минут за власть над телом и разумом. Мать победила.

Людмила Васильевна выпустила ручку, закрыла лицо руками и сквозь рыдания и всхлипывания прошептала в пустоту:

– Прости меня, доченька, прости меня, солнышко моё.

И только теперь перед глазами полетели картинки воспоминаний тех редких моментов, что она отдала своей семье. Семье, ради которой работала, продавая и отдавая всю себя. И чем больше картинок проносилось перед глазами, тем сильнее становился поток слёз и голос, повторявший одну и ту же фразу.

Помощник судьи не слышала происходящего в кабинете своего босса, подготавливая приговор.

Она привычными движениями копировала фразы из предыдущих приговоров, минимизируя свои трудозатраты. Так продолжалось уже несколько часов. По её прикидкам, ещё пять минут работы, и всё будет готово. Выделив крупным шрифтом «виновна» и другие важные части приговора, так как Людмила Васильевна любила, чтобы всё важное было отделено от неважного, помощник судьи отправила его на печать.

«Это расплата, ты же всегда знала, что когда-нибудь они придут и заберут у тебя своё, как ты забирала у других». Всех других она не помнила, но почему-то вспомнилось дело сына прокурора области. Пьяный задавил двух близняшек. Две

взрослые сестры, ехавшие на день рождения матери. Одна приехала в гробу, вторая – в инвалидном кресле. Именно тот приговор и какое-то неясное предчувствие беды. Будто знала, что не пройдёт это бесследно.

Перед её взором всплыло смазливо-мягкое лицо прокурора и приговор.

Два года условно. И слова: «Зачем же портить жизнь ребёнку? Девочку уже не вернёшь, а лечение мы оплатим».

Такая сухая логичность, что ни прибавить, ни убавить, тем более что прокурор был знаковой фигурой в политической машине, всячески искореняя любые протестные движения возбуждением десятков уголовных дел по малейшему поводу.

И только заплаканные глаза матери погибшей девушки, смотревшие на неё весь процесс, не поняли и не приняли эту логичность. И когда она читала приговор, эти глаза плакали, но продолжали смотреть на неё. Она не видела, читая привычно выделенные строчки приговора, но чувствовала их всем своим нутром. Именно тогда у неё, наверное, впервые чётко и ясно мелькнула мысль, что так просто для её жизни этот приговор не пройдёт.

Все остальные дела, конечно, имели своё колебательное давление и на совесть, и на психику, но она справлялась.

Держа над головой защитный панцирь из слов: «На всех справедливости нет и быть не может, а жить нужно», она чётко вела линию, в которой жила и строила своё будущее, при-

нимая решения, рушившие чужие жизни ради своего благополучия и счастья семьи.

И только дело сына прокурора прошло тенью, в которой панцирь не защитил, пробив безжалостную кожу страхом за свою работу. Однако время прошло. И всё замылилось привычной суетой дел попроще.

Людмила Васильевна плакала, одновременно вздрагивала в её памяти мать погибшей девушки. Зеркало душевных страданий вторило своему реальному отражению, наполняя кабинет энергией боли и горечи за ошибки прошлого.

То, что это была расплата, она не сомневалась. Так уж устроена наша жизнь, что мелкие преступления против своей совести накапливаются на весах справедливости. И в какой-то момент жизни она, эта непонятная, вечно прячущаяся от людской правды справедливость, этот маленький ребёнок безжалостных богов выходит из своего укрытия и перевешивает чашу весов, устанавливая равенство, забирая самое ценное. Одним действием превращая в тлен все, что так долго и упорно вращивалось из нитей лжи, вседозволенности и властной неприкасаемости. И жизнь останавливалась, с трудом отмеряя стрелками времени её продолжение.

Про справедливость ей когда-то давно рассказал притчу отец.

«Когда Боги выбирали тех, кто должен был следить за порядком и жизнью людей, они на все важные должности назначили мудрых и опытных, взрослых и больших. И только

в конце они вывели в круг ребёнка и сказали ему:

– А тебя будут звать Справедливость, ты будешь мало заметным в жизни людей, но у тебя будет очень важная роль – поддержание связи между добром и злом.

– Но что я смогу, такой маленький?

– Ты сможешь хорошо прятаться. Это лучшее, что умеют делать дети. Прячься так хорошо, чтобы люди стирали ноги в кровь в поисках тебя, но, найденный, возвращай добро злу и наоборот, ибо не будет мира и жизни там, где твои руки не восстановят желаемое».

Людмила Васильевна взяла в руку фотографию дочери, стоявшую на столе. Дочка бежала с раскрытыми объятиями, улыбаясь во весь рот. Фото, сделанное для неё. Чтобы она всегда знала, что её любят и объятия ждут дома.

Провела пальцем по контуру, коснулась лица. Тихонько поцеловала и прижала к сердцу, ещё более усилив рыдания.

Звонок по внутренней линии разрезал звуки горя сухим «дзинь». Через пять минут заседание. Работа, о которой захотелось забыть. Приговор. Виновна. Обычная девчонка. Зарезала начальника избирательной комиссии. Ну или превысила пределы допустимой самообороны. Или даже не превысила, так как боролась за свою честь во время изнасилования. Кухонный нож и почти труп.

Спасло, что сама позвонила и всё объяснила. И почти сразу села. Как может председатель избирательной комиссии быть насильником? Был жертвой, которую хитрая пута-

на опоила и чуть было не убила, переборщив со снотворным, но решила скрыть преступление, разыграв сцену с изнасилованием. Четырнадцать лет строгого режима. Не меньше. Записка от прокурора: «Мягкость не нужна».

Людмила Васильевна начала приводить себя в порядок. Автоматическими движениями поправила причёску, надела очки с более тёмными линзами, параллельно и перпендикулярно разложила все предметы на столе. Порядок на работе – порядок дома. Короткий путь в зал суда прошёл в тумане. Пачка бумаг от секретаря. Приговор. Виновна, мягкости не нужно.

Заняв своё место, она посмотрела в зал. Журналисты и просто любопытные, блогеры и силовики – все уставились на неё. Прокурор что-то с интересом рассматривал у себя на столе, опустив голову, как бы подчёркивая своё желание поскорее закончить с этим неудобным для него делом и выйти туда, где можно не думать о своей сделке с дьяволом. Обвиняемая сидела, скрестив руки на груди, гордо смотря ей в глаза.

«...зачем портить жизнь ребёнку, девочку не вернуть».

«И мою не вернуть, но хотя бы одна у меня ещё осталась».

С этой мыслью она открыла приговор и начала читать выделенные, важные от неважных, части текста. Шум. Протесты. Требование успокоиться и уважать суд. Общий гвалт зазвенел пронзительным воем у неё в ушах, в ногах появилась слабость за свою решимость и веру в правильность принято-

го решения.

P.S.

Маленький мальчишка выглянул из-за спин, сидящих в зале суда. Нерешительным шагом он вышел на дорожку между рядами и грустным взглядом посмотрел на Людмилу Васильевну. Он был похож на ангелочка со своими кудрявыми золотистыми волосами. Никто на него не глядел, несмотря на его обнажённое тело, укрытое лишь прозрачной белой тканью. Его будто и не видели вовсе. Он медленно шёл по направлению к судье. Она не прервала чтение, когда начался шум и громкие голоса почти перекрыли её чётко поставленный голос. Но в момент, когда ребёнок остановился в метре напротив, её речь смолкла.

Она нерешительно оторвала взгляд от бумаг и провела им чуть вперёд, туда, где стоял ребёнок, которого по-прежнему никто не замечал. Никто, кроме неё. Все звуки словно ушли под воду, только её дыхание было громким и шумным. Она, не отрываясь, смотрела не мальчика. Глаза в глаза. Он протянул руку, разжав маленький кулачок. Там что-то лежало, но она не видела, что именно. Поправив очки, она прищурилась взглядом, чтобы рассмотреть, что же это такое. Мальчик подошёл ближе, протягивая ей предмет. Она протянула руку и взяла его, всё ещё не понимая, почему она не может понять, что это. И только взяв в руку, она поняла, что это было.

– Нет, – вырвался у неё шёпот. – Пожалуйста, нет, – повторила она. – Нет! – заорала она во всю силу своих лёгких в спину уходящего ребёнка. Оперевшись о стену, она начала медленно оседать. Не в силах больше стоять, рухнула на пол. Когда она упала, рука разжалась, и из неё выпал маленький блестящий предмет. Небольшое ювелирное украшение с именем «Алла». Украшение, подаренное на Рождество каждой из дочек с их именем.

6. Доброта

Леди и дворняга

**(Основано на реальных событиях
с художественным вымыслом.)**

Дворняга закрыла глаза. Или они закрылись сами под тяжестью налипшего снега, что падал тяжёлыми, липкими хлопьями уже достаточно долго, так что худое тело дворняги практически слилось с окружением, превратившись в небольшой снежный холмик.

Только внимательно присмотревшись, можно было заметить едва заметный пар, выходящий из её носа. Она тихо лежала и замерзала. У неё больше не было сил бороться, двигаться, искать еду и радоваться, виляя хвостом, брошенной из жалости косточке. Голод и погода превратили её в худой скелет на лапах.

Такие уже не вызывают жалости, от таких стараются поскорее отвернуться, чтобы не проснулось сострадание.

Иногда дворняга всё же находила в себе силы, чтобы встряхнуть наваливший снег и чуть отделить своё тело от

окружающего белоснежного покрова.

В эти минуты глаза открывались и тоскливо смотрели в одну точку. Впрочем, уже через пару минут снова смыкались, погружая её в темноту вечернего сумрака.

В один из таких моментов мимо проходил мужчина с двумя маленькими детьми, которые дружно стали указывать ему на лежащего пса.

– Папа, папа, смотри, собачка замерзает!

– Папа, давай возьмём её домой! Смотри, какая она худенькая и жалостливая.

– Да, папа, она, наверное, очень хочет кушать!

Дворняга приоткрыла глаза на шум. Она не двинулась. Просто смотрела. Её глаза слезились и были безумно уставшие. Даже намёка на желание понравиться не пробивалось сквозь эту усталость.

«Дети. В них всегда жалость и доброта», – мысль мелькнула в голове дворняги улетающей искрой и погасла, не желая искать надежду.

Мужчина притормозил и посмотрел на пса.

«Ну почему эта дворняга лежит именно у меня на пути, – подумал он, – как теперь детей от неё убрать?»

– Ребята, отойдите. Она, скорее всего, болеет, и мы не можем ей помочь. Хотя, может, она просто спит. Давайте не будем ей мешать.

«Она замерзает, – тут же вмешался внутренний голос, – ты хочешь её здесь оставить? Какой пример ты покажешь

детям?»

«Мне что, теперь каждую дворнягу умирающую спасать на улице?» – сделал он мысленный контрвыпад.

«Нет. Но прямо сейчас есть возможность помочь».

«Мы торопимся. Нас ждут на ёлке. У нас билеты дорогие! Как мне помочь? С собой её взять?»

– Просто помоги, как считаешь нужным. Хоть курткой своей укрой. Зайди в магазин, поесть ей купи. В подъезд занеси».

От всех вариантов мужчину мысленно передёрнуло. Схватка с совестью вдруг стала раздражать.

– Папа, а можно я её поглажу?

– Нет, не нужно её трогать.

Неожиданная чуткость детей к собаке показалась ещё более раздражительной, чем его внутренняя борьба.

– Так, давайте выбирать! Либо мы помогаем собаке, и тогда не идём ни на какую ёлку, и вы остаётесь без подарков. Либо мы бежим на ёлку, которая вот-вот начнётся, а собачке поможем на обратном пути. Ничего с ней не случится за это время.

«Подло так манипулировать, – сразу возникла мысль. – Через подарки убивать в детях доброту».

Противное состояние от вызвавшей раздражение ситуации ещё больше усилило желание поскорее от неё избавиться.

«Раз они создали эту ситуацию, пусть и выбирают. Сходим

на ёлку – потом я её накормлю».

Дворняга не слышала, да, впрочем, и не могла слышать, мысленной битвы в голове стоящего возле неё мужчины. Она не видела происходивших на его лице эмоций.

«Холодно, – мелькнула у неё мысль. – Холодно так, что даже не хочется есть. Значит, смерть близко. Может, час. Может, два. За эти пять минут её нос снова покрылся снегом. Только чёрный кончик сопротивлялся своим теплом и выделялся ярким пятном на белом фоне.

Маленькая девочка присела возле неё и сказала:

– Мы за тобой вернёмся. Сейчас у Дедушки Мороза игрушки заберём и придём тебя накормим и согреем. Папа тебе поможет. Не уходи, пожалуйста. Дождись нас.

– Папа, идём скорее на ёлку, а потом вернёмся спасать собаку. Да?

Мужчина облегчённо вздохнул.

– Конечно.

Внутренне он очень надеялся, что эмоции и радость от подарков вытеснят мысли о собаке. А если и не вытеснят, то он что-нибудь придумает.

Сейчас же ему хотелось поскорее убраться из этого места: от этой неловкости, от спора со своей совестью, от детских надежд на справедливость мира и веры в его, возможно, когда-то большое сердце и просто подальше от этого комка шерсти, что так неожиданно возник на его жизненном пути. Взяв детей за руки, он ускоренным шагом двинулся прочь

от собаки.

Где-то в глубине его души возник укор, и левый бок неприятно сжался. К горлу подступила горечь за своё бегство и непонятное чувство жалости, но уже к себе.

«Прочь, прочь, прочь, – подумал он. – Ерундой какой-то загнал себя! Собаку не спас и не пожалел! Вот ведь трагедия жизни! Да их сотни мрут на улицах, их убивают в приёмниках, в шаурму наверняка закатывают. Что же меня от этого-то совесть не пробирает? Жалостливый я слишком!»

Аргументы в защиту правильности своего выбора сыпались один за другим, вытесняя сожалением за несделанный акт милосердия и доброты.

Через пять минут общение с детьми и мысли о ёлке оставили о дворняге лишь лёгкий след и смутное ощущение дискомфорта, которое легко забывается, как минутное жужжание мухи возле уха.

Тишина окружила дворнягу. Перед её взором начали появляться видения: сочная кость с мясом; она лежит не на улице, а на теплом асфальте. Её чёрную шерсть припекает солнце, желудок славно наполнен, а сладкая косточка приятно упирается в нос. Какой-то человек чешет её за ухом, от чего лапа подёргивается, а из пасти идёт урчание.

– Эй, – говорит человек. – Проснись, собака. Ты живой? «Живой? Конечно, я живой. Почему такие вопро...»

Внезапно солнечный свет растаял, и в сознание врезался холод. Колючий и безжалостный. И ещё какое-то движение.

Кто-то осторожно толкал дворнягу за хребет. Рыкнуть на такое вмешательство не было никаких сил.

И даже открыть глаза казалось задачей невозможной.

«Кто-то меня трясёт, спрашивая, жив ли я. Зачем тебе это?»

Медленно глаза дворняги приоткрылись. Перед ней сидела девушка. Веснушки и рыжие волосы из-под шапки резко констатировали с чёрным и белым цветом этого вечера. К тому же красный пуховик и яркий жёлтый шарф казались чем-то неуместным, ярким и неестественным в этот холодный зимний вечер ожидаемой собачьей смерти.

Варвара смотрела в глаза собаки и видела в них бесконечную грусть и приближающуюся смерть. От этого стало не по себе.

«Ну уж нет. Не для того я с тобой повстречалась в этот вечер, чтобы увидеть как ты умрёшь!» – подумала она про себя.

Десять минут назад она шла в спортзал, прокручивая предстоящую тренировку в голове, делая акценты на целях и конечном результате. Погода была отличная, шёл очень красивый снег, создавая ощущение настоящего новогоднего настроения.

Но, не дойдя до спортзала буквально трёхсот метров, проходя возле мужчины с детьми, она услышала, как дети просили папу спасти собаку.

Варвара невольно повернула голову, чтобы изучить ситуа-

цию более детально, но, двигаясь целеустремлённым шагом, успела заметить только тёмный заснеженный комок и чёрный нос.

«Детская доброта не знает границ, – улыбнулась она сама себе, двигаясь без остановки».

Однако уже через десять метров замедлила шаг и повернулась, чтобы посмотреть более внимательно. Она видела, что мужчина не разделяет рвения своих детей. Ей сразу стало понятно, что внутри него идёт борьба между «помочь» и «не помочь».

«Почему я остановилась? Что мне до этой собаки и этих детей?»

«Тебе стало интересно, есть ли в мире доброта. Тебе захотелось увидеть, что она есть».

«Согласна, – утвердительно мотнула Варя сама себе головой».

Чуть отступив в темноту, она продолжила наблюдать за развитием событий. Через пять минут мужчина быстрыми шагами прошёл мимо неё, буквально таща своих детей в сторону от собаки.

Варваре неожиданно стало холодно. Как будто тепло пуховика и недавнее ощущение праздника мигом улетучились вслед за размашистым шагом уходящего мужчины. Она задрожала. «Ну как же так-то? Мужик! Как же ты так мог взять и бросить и уйти! Обида и лёгкая злость появились у неё в мыслях. Обида на отсутствие доброты, а злость на то, что те-

перь эта ситуация перешла к ней, будто эстафетная палочка.

– Блин, ну зачем мне это? Зачем я вообще остановилась?

Помявшись секунду, она подошла к дворняге и наклонилась присмотреться повнимательнее. Собака была жива, но очень близка к смерти. Когда та открыла глаза, реагируя на её голос, у Вари родился протест.

Внезапно ей стало не просто жалко собаку. Ей захотелось победить смерть. Встать у неё на пути своим внезапным появлением.

– Ты не умрёшь! Слышишь? Не сегодня и не здесь! Сегодня твой день, собака!

Варя достала телефон и вызвала такси.

Через пять минут машина остановилась. Сев в машину, Варя обратилась к водителю:

– Возможно, я покажусь вам сумасшедшей, но там, на улице, лежит собака. Если её не взять сейчас домой, то она умрёт. Замёрзнет прямо на этом месте. У меня не во что её вернуть, кроме своего пуховика. Я прошу вас мне помочь. Плачу два счётика.

Водитель с седыми белыми усами, мешками под глазами и отёкшим лицом пенсионера уставился на неё в молчании.

Варя начала снова повторять свою просьбу, потом осеклась, поняв, что мужчина всё с первого раза прекрасно понял и сейчас о чём-то сам с собой размышлял или спорил.

– В салон я её не пушу. В багажник если только, – наконец вымолвил он.

– Да вы что! Какой багажник! Дайте какую-нибудь тряпочку, и я её на руках подержу, пока едем.

Снова минутное колебание.

– Новый год же, – тихо прошептала она.

Водитель вышел из салона. Открыл багажник и достал какую-то старую простыню. Потом подошёл к собаке.

– Что же ты так сдался-то, а? Ты же дворняга, боец улиц. Или решил так леди очаровать?

Неожиданная доброта в голосе водителя растеклась приятной теплотой по телу Вари. Уверенность, что сегодня она вместе с водителем не пустит к ней смерть, придала сил. Пошёл подъем и уверенность, что она всё делает правильно.

Спустя двадцать минут пёс лежал у неё в прихожей, укутанный, с тарелкой супа под носом. Варя смотрела на собаку и думала, как удивительно мир переигрывает наши планы. Час назад она хотела достичь годовых целей в спортзале, а сейчас сидит и смотрит на дворнягу и чувствует, что её переполняют эмоции и сила, которых она наверняка не получила бы в этот вечер, не повернись она в сторону детей и их папы.

Дворняга лежала и наслаждалась теплом. Если бы могла, то, наверное, она бы плакала от счастья. Она была до такой степени слаба, что не могла даже поесть стоящий под носом и сводящий с ума суп.

«Какой старинный вечер. Думаешь, что пришёл конец, а жизнь вдруг поворачивается сытым задом, супом и тёплым домом».

Зевнув, она положила голову на лапы и уснула, наверное, впервые в своей жизни без страха, что будет потом.

P.S.

Мужчина с детьми вышли на улицу. Дети были рады и смеялись, хвастаясь друг перед другом своими подарками.

– А теперь идём спасать собаку, да, папа?

Неожиданный вопрос нарушил безмятежное состояние отца. Он повернулся к дочери и, улыбнувшись во весь рот, беззвучно прошептал:

– А я уже... Пока вы веселились и плясали, я вызвал скорую помощь и попросил их помочь бедной собачке. Так что никому больше помогать не нужно и можно смело идти домой к маме!

– Папочка, ты у нас самый лучший на свете! Дочь обняла отца за шею и поцеловала в щёку. Спасибо, что ты её спас!

Мужчина похлопал дочь по плечу, смотря в пустоту за её спиной. Улыбка стала натянутой и пустой.

– Конечно. Я же лучший папа на свете. По-другому и быть не могло.

7. Злость

Сергей и красная машина

Нетвёрдой походкой выпившего человека Сергей вошёл в арку своего микрорайона. Похожие, как братья-близнецы, девятиэтажные дома-малосемейки образовывали свой мини-район из пяти домов. Неухоженный двор с качелями, оставшимися ещё с советских времён, и выбивалка для ковров символично располагались в центре этого архитектурного ансамбля.

Сергей сошёл с тротуара и двинулся через центр, сокращая путь к подъезду своего дома. Обходя припаркованные на газоне машины, он начал злиться. «Понапокупали себе машин, заставили всё, что можно и нельзя, пройти невозможно! Хапуги».

Смачно плюнув на лобовое стекло наиболее чистой машины, он почувствовал небольшое удовлетворение и пошёл дальше. Алкоголь в крови несколько ограничивал манёвренность его движения, отчего путь к дому через разбросанные по двору машины шёл ещё медленнее.

Сергей возвращался с работы. Вернее, рабочий день его закончился ещё три часа назад, а шёл он только сейчас, потому что позволил себе с коллегами по работе пропустить

по стаканчику. Для снятия стресса. Денег на вино у него не было, но он всегда с готовностью занимал до зарплаты, чтобы поддержать компанию и поговорить о жизни, трудностях, обсудить политику и женщин.

Хотя на самом деле ему просто не хотелось идти домой. Туда, где его ждала жена с постоянными претензиями и большой ребёнок. Забытая Богом комнатёнка в двадцать пять квадратных метров в его потерянной жизни. Возвращаться туда трезвым он не мог себе позволить. Внутренний голос выворачивал наизнанку его неспособность что-то изменить в своей жизни и жизни его семьи.

Алкоголь менял расстановку сил и позволял не искать оправданий своей никчёмности. Придавал сил и веры, что его жизнь такая же, как у всех, что вся страна жила на зарплату двадцать пять тысяч рублей. И он не хуже других. Просто ему не повезло. Он не умеет воровать, у него нет крутых связей. Он обычный человек.

Такие мысли поддерживали статус-кво его личности, особенно после пары бутылок пива.

Неожиданно дорогу к дому перегородила машина. Точнее, она бросалась ярким, красным, раздражающим пятном дорогой иномарки, припаркованной как раз напротив его подъезда.

Остаточные познания в немецком подсказали: «Порше». И не просто машина, каких полный двор, а кабриолет с открытым верхом.

Сергей снова почувствовал, что внутри него закипает праведный гнев, разбавленный алкоголем и мыслями о несправедливости мира.

«Ух, ворюга, нашёл где припарковаться. Возле моего дома!»

У Сергея было твёрдое убеждение, что все богатые люди – это депутаты или бандиты. Бизнесмены – это барыги, живающиеся на обычных людях через сумасшедшие накрутки на свой товар. Тем самым они мало чем отличались от жуликов, чиновников и ворюг. Простые люди не могут позволить себе купить такую машину. Таких зарплат не платят.

Вообще, максимально большая сумма, что Сергей видел в своей жизни, была двести тысяч рублей. Кредит, который он получил в банке перед свадьбой. На жизнь молодым, на проведение и организацию торжества.

Видеть такой роскошный автомобиль перед своим домом было сродни получению пощёчины за свою неудавшуюся жизнь. Злоба вспыхнула в его глазах.

– Суки. Чтоб вы сдохли в своих деньгах.

И, смачно сморкнувшись, он плюнул на сиденье водителя. Зелено-кровавый сгусток медленно начал стекать по дорожной коже.

– Вот тебе подарочек от рабочего класса. Приезжайте ещё. И вежливо поклонился автомобилю.

– И скажи спасибо, что не навалил тебе кучу говна.

Диалог-монолог с автомобилем неожиданно прервался

открывшейся дверью подъезда, которая чуть не ударила его в лоб.

– Осторожней нужно выходить, мужчина! – дыхнул он перегаром в лицо ухоженному, невысокого роста и спортивного телосложения мужчине в возрасте за пятьдесят лет.

– Извините, – вежливо ответил тот. – Не ожидал, что дверь без магнитного замка.

Ничего не сказав в ответ, Сергей широко распахнул дверь и вошёл в подъезд. Он почему-то сразу подумал, что столкнулся с владельцем машины, с которой только что вёл язвительные беседы.

Осознав, как ему повезло, он постарался ретироваться в глубину подъезда. Однако желание позлорадствовать победило выброс адреналина, и он поднялся на второй этаж. Там всегда стояли пара табуреток и мини-столик. Сосед с первого этажа курил и выпивал, избавляя родных от смрада в квартире.

Поставив табуретку ближе к стенке, Сергей неловко забрался на неё и выглянул в окно. Мужчина стоял возле машины и смотрел на его плевки. Он что-то говорил, судя по двигающимся губам, и скорее всего, злился.

– Злись, злись, сука хапужная, бизнесмен херов. Давай-ка вытри за дядей Серёжей харчу. Будь так любезен!

Получив порцию позитива от увиденного, он начал спускаться с табуретки, но у той внезапно покосилась ножка от сконцентрированных на одном краю ста двадцати килограмм-

мов веса Сергея, и он полетел вниз. Успев выставить руки, он упал на пол, громко ругаясь от удара и скомканной радости от увиденного возле «Порше».

Однако, начав очищать руки, его ругань усилилась, поскольку он понял, что руками попал в отходы, валявшиеся около мусоропровода. И, как назло, какая-то скотина выкидывала использованную туалетную бумагу, которая частично и валялась возле бачка.

Другими словами, его руки при падении на пол размазали чьё-то говно.

– Твари, суки, засранцы! Где живут, там и срут, скотины!

Он беспомощно искал, обо что вытереть руки, пока не решил, что стена этого свинарника (как он про себя окрестил место падения) – самое подходящее, что можно использовать. Пнув со злости вторую табуретку и напрочь забыв про причину этого злоключения, он спустился вниз и вызвал лифт.

Не переставая материться и морщась от запаха, обволакивающего всё вокруг, вошёл в кабину лифта и нажал на седьмой этаж. В тесном пространстве вонь усилилась, увеличивая злобу на случившееся.

Неожиданно в голове мелькнула мысль, что это к нему бумерангом его плевок вернулся. Странно, как всё совпало: «Не рой яму другому – сам в неё попадёшь».

– К черту все эти ямы, – огрызнулся Сергей вслух на свои мысли.

Лифт открылся, и Сергей вышел, вдохнув грудью свежий воздух.

Открыв дверь, он сразу прошёл в ванную, где начал мыть руки. Пытаясь максимально очистить себя от запаха, он побрызгал на руки освежителем воздуха, после чего прошёл на кухню.

Только в этот момент он понял, что в доме что-то изменилось. На него не ворчала жена. Вот что было странно. И ещё в комнате стоял запах цветов. Даже своим пьяным состоянием он врезался ему в голову, перебивая былой запах фекалий.

Сергей вышел из кухни в комнату. Там сидела Ирина, его жена, и Маша – шестилетняя дочка с врождённым заболеванием. Они сидели молча.

На прикроватной тумбочке стоял большой букет красных роз. Рядом с дочкой на кровати лежал большой плюшевый мамонт.

– Это что? – спросил Сергей.

Ирина безмолвно встала и протянула ему какой-то свёрток. Было видно, что она еле сдерживает слёзы.

Он его развернул. Цветной листок типа диплома:

«Уважаемая Ирина Александровна, благотворительный фонд Дмитрия Нагмирова принял положительное решение по вашей заявке о лечении Марии Сергеевны Воронцовой. Грант в сумме 4 570 000 рублей выделен в полном объёме. Ждём Вас в любое удобное время».

– Серёжа, это звучит как сказка. Приехал какой-то муж-

чина, принёс цветы и подарки для Машеньки и сообщил, что нам можно ехать делать операцию, так как деньги найдены. Он только что ушёл. Наверное, та красивая красная машина у подъезда его. Ты представляешь? Он просто пришёл и сказал, что готов оплатить лечение Маши! Ты меня слышишь, Серёжа?

Сергей стоял и смотрел на бумагу в его руках, переводил взгляд на счастливое лицо своей дочери, обнимающей плюшевого мамонта, и чувствовал, как огромная волна щемящего чувства сжимает все его внутренности.

Его живот сжался, а дыхание замерло. Бесконечный поток мыслей пролетел в его сознании, соединившись в одну: «Я плюнул в машину человека, принёсшего спасение нашей дочери. Человеку, который одним своим приходом разбил все мои страхи и мысли о никчёмности жизни».

Волна омерзительного чувства поднялась и ударила его статус-кво даже сквозь затуманенный алкоголем рассудок. Он почувствовал, как по щеке бежит слеза, и видел, что слёзы заливают лицо Ирины. Она плакала и улыбалась. Он не мог произнести ни слова. Просто молча стоял, вспоминал свой плевок, смотрел на счастливое лицо жены и дочери и думал, почему так получилось...

8. Свобода выбора

Что важнее: жизнь, дарованная богом, или смерть во имя его и защиты?

Мысль возникла и не хотела уходить. Удобный случай спросить ответ у представителя церкви. Но вместо этого он задал другой вопрос:

– А если будут против?

– Что слово человеческое против воли Божьей? – при этом со смиренным лицом представитель церкви печально выдохнул, опустив взгляд в пол. – Не может воля неверующих тягаться с желанием детей божьих быть к нему ближе. Ибо преступлением можно посчитать и неуважением прав верующих в таком случае деяния их.

Ещё больше печали и скорби. Как бы нехотя каждое слово просачивалось сквозь пышную бороду, растворяясь в полусумраке кабинета.

Человек в строгом костюме без галстука слушал речь священнослужителя, стоя к нему спиной, и последнему были не видны нахмуренные брови и сосредоточенное лицо.

– Вы же знаете, насколько церковь в согласии с Богом рассчитывает на власть. Чем сильнее вера народа в праведность и единство воли Божьей и власти, что волю это поддерживает, тем сильнее и крепче наша государственность будет.

Витиеватый язык с акцентом на религиозность не обманывал ни того, кто на нём говорил, ни того, кто его слушал. Оба прекрасно понимали друг друга и знали, что нужны друг другу.

Власть всегда опиралась на какую-то общую идею. Церковь в его стране была не просто идеей, это была очень мощная пропагандистская склейка между умами разных социальных слоёв, объединённых верой в Бога с лояльностью к власти, эту веру разделяющей и всячески поддерживающей.

Человек в чёрных одеждах слушал разговор двух людей, сидя в кресле. Он не вмешивался, уже зная, каким будет итог.

Человек в строгом костюме без галстука продолжал осмысливать предложение церкви. Оно полностью соответствовало рекомендациям аналитиков: чтобы снизить число протестов, уменьшить количество свободных, инакомыслящих людей, нужно как можно больше людей сделать зависимыми. Связать, навязать, мягко внедрить в обществе какую-либо идею, в которой они бы рассчитывали не на себя, а на чью-то волю.

Идеология власти в такой идее идеально совмещалась с повсеместным распространением церкви. Чем больше верующих, тем меньше нелояльных власти людей. Поскольку доверие к церкви колоссальное, следовательно, симбиоз «власть – религия – вера – правое» дело казался идеальной формой манипуляции.

Сегодняшний разговор однозначно не был инициативой пришедшего представителя церкви. Просто для него это преподносят как формулу: «...у разных людей, радеющих за страну, мысли сходятся».

– В конце концов, благое дело собираемся делать, – наконец вымолвил он. – Людям нужна вера для сплочённости, для единства целей и образа мыслей. Чтобы меньше пили, курили, чтобы отвращение к наркотикам было. Наконец, вера, она к чистоте приобщает, разврат искореняет. Эта демократия когда-нибудь сама себя сожрёт в загнивающих остатках своей свободы. Разврат их погубит, как сжёг Содом и Гоморру, не так ли?

– Вы смотрите намного дальше меня в своих выводах, не говоря уже о простых смертных. Поистине Вы верный патриот нашей великой родины.

Он мысленно поморщился от неприкрытой лести, но внешне улыбнулся.

– Рад, что мы говорим на одном языке. У вас уже есть концепция общих действий?

– Безусловно, основная стратегия сформулирована, – без запинки ответил слуга божий.

Неожиданно деловой язык священнослужителя резанул слух, отчего собеседник пристальнее взглянул на него, показывая, что ждёт продолжения.

– Для начала нужно вернуть места божьи туда, где они всегда были. Места, где варвары-безбожники сделали музеи,

магазины, склады и т. п. Для этого нужна поддержка с самого верха. Затем в каждой школе нужно ввести уроки слова божьего. Сначала на добровольных началах, потом в обязательном порядке. В идеале на каждые десять – двадцать тысяч человек должно быть место для связи с Богом.

– Религий много.

– Бог один, просто называют его по-разному. Уверен, другие поддержат правое дело.

– Всё время хотел спросить, крест золотой или нет? – неожиданно сменил тему для разговора человек без галстука.

Церковнослужитель инстинктивно коснулся креста на груди, создав неловкую паузу.

– Золотой. Знак чистоты помыслов.

Человек в строгом костюме утвердительно покачал головой, соглашаясь с аргументацией священнослужителя:

– Чистые помыслы – это единственное, что нам остаётся, когда вокруг враги. Вы одобряете применение силы против людей, не согласных с церковью?

Священнослужитель снова замаялся, после чего очень медленно, подбирая слова, будто идя по минному полю, ответил:

– Можно соглашаться или не соглашаться с церковью. Сила, в любом случае, должна применяться не за это. Сила – это дар, согласованный людьми и Богом для поддержания порядка. Если несогласные нарушают порядок, то они сами призывают к себе наказание в виде силы.

И снова утвердительный кивок собеседника.

– А что важнее: жизнь человека, дарованная Господом, или смерть человека ради Господа?

Церковник заёрзал от вопроса. Его руки начали поглаживать бороду, периодически трогая крест, как бы пытаясь найти в этих прикосновениях нужный ответ.

– Боюсь, у меня нет однозначного ответа на этот вопрос. Уверен, что Бог милостив, и найдёт способ и средства, чтобы донести до нас истинную ценность. Жизнь всегда даётся Богом. В ней он живёт с нами, управляет и помогает, чтобы сделать её лучше. Думаю, если человек умирает, то Богу он здесь больше не нужен. Не человек убивает ради Господа, скорее человек умирает без Бога.

– Странная логика. И в целом ответа я не получил. Предлагаю закончить на сегодня.

Спустя пять минут он остался в кабинете один.

Человек в черных одеждах обратился к нему:

– Будут жертвы. Будут протесты. Лишать людей выбора – не лучший путь.

Человек без галстука размышлял, отвечая сам себе, задавая неудобные вопросы, находя обтекаемые ответы. Слова человека в чёрной одежде были для него собственными мыслями.

– Жертвы – неминуемая часть истории. Уверен, их будет немного. А выбор... Выбор подвержен влиянию, манипуляции. Легко им управлять и направлять его. Если не мы, то

они. Благо, врагов хватает.

– Сегодня церковь в каждый дом, завтра социальные сети запретишь?

– Я бы с удовольствием – от них один вред. Пока не знаю, как.

Человек в чёрных одеждах поднялся:

– Жизнь человеческая как гончарный круг: может создать красоту неопишемую, а может разрушить на начальном этапе. Ты хочешь, чтобы люди перестали создавать красоту и начали делать одинаковые болванки. Это приведёт к стране, полной болванок и оболваненных. Поразмышляй, стоит ли оно того.

И вышел из комнаты.

Человек в белых одеждах сидел с человеком в чёрных одеждах на лавочке. Они вместе наблюдали, как толпа ломает забор, протестуя против строительства храма на территории парка. Кто-то от ударов силовиков корчился на земле, кто-то успел отбежать. Столкновения получили новый виток, как только власть озвучила официальную позицию, что несанкционированные собрания запрещены.

– Все повторяется, только с точностью до наоборот. Раньше убивали за строительство во имя тебя, потом за разрушение против тебя и вот снова за строительство. Чувствуешь запах крови?

– Не в этот раз, – ответил человек в белых одеждах. – Время ещё не пришло.

– Честно говоря, думал, что этот этап мы уже прошли.

– Честно говорить – это не твоё, – перебил его человек в белых одеждах. – Они растут, где-то больше понимания, где-то его ещё нет. Власть – отличное испытание для идеалистических принципов, не каждый с ней справляется.

– Они готовы пролить кровь ради тебя. При этом часть из них с тобой душой и сердцем и с той и с другой стороны, – сладкий голос человека в чёрной одежде звучал упоительно и миролюбиво, будто он говорил об ароматах цветов. – У меня нет таких противоречий. Ради меня последователи не убивают друг друга. Ну разве что для жертвы. Моя кровь всегда одного цвета.

– Твоя кровь не имеет цвета. Так же, как и моя. Она лишает и ничего не даёт, кроме пустоты и сожалениям в конце пути. А в данном случае обо мне мало кто из них думает. В шахматах пешки следуют за рукой гроссмейстера. Зачем ты позвал меня? Посмотреть на толпу?

– Мне кажется, тебе иногда стоит поближе познакомиться с поклонением; к чему приводит желание угодить тебе. Ты сильно занят?

– Разговор ни о чём. Я уйду.

– Не торопись, – человек в чёрной одежде примирительно поднял руку. – Я просто стараюсь поддержать общение. У меня есть предложение. Я, конечно же, не знаю, каким ты видел исход этой линии, но мне кажется, что моё время очень близко. И скоро настанет час, когда движение свобод-

ного выбора погаснет. Ещё немного, и у них у всех будут вшиты чипы, генная инженерия подарит им скальпель Бога, клонирование и техногенные имплантаты, искусственная кровь и оцифрованная жизнь под полным контролем... Это ли не конец твоего исхода?

Поэтому предлагаю договор. Ты оставляешь этот мир, которому осталось недолго, а в новом мире я изменю один грех, чтобы им было легче.

Человек в белых одеждах не пошевелился. Лишь смотрел вдаль. В этот момент со стороны толпы раздались крики, и прозвучал звук выстрела. Толпа присела, после чего люди бросились в разные стороны, роняя друг друга, не понимая, что произошло, но стремясь оказаться подальше от эпицентра неожиданного события.

Человек в белых одеждах повернул своё красивое лицо и кивнул:

– Я подумаю.

* * *

Священнослужитель вытер лицо и бороду. По телевизору показывали новости про столкновения из-за строительства храма.

Человек в чёрной одежде смотрел телевизор, сидя на роскошном диване, закинув ноги на стол.

– Жалкие людишки. Бесноватые упыри. Как власть их тер-

пит?

Его речь прозвучала волной возмущения в голове священнослужителя, который тут же ответил:

– Безбожники. Не понимают, что им дают свет, хотя в своей тьме оставаться.

– Нужно их наказать. Может быть, кого-нибудь покарать. Нужны санкции. Нельзя же так распускать народ, вышедший против слова божьего, – подначивал его человек в чёрной одежде.

– Безусловно. Но нельзя забывать о дипломатии. Нужно, чтобы они перешли черту. Спровоцировали ситуацию, а закон встанет на защиту.

– Верно. Храм должен стоять там, где был. Иначе это будет проигрыш.

Говоря эти слова, человек в чёрном вспомнил, как почти сто лет назад убеждал другого человека в необходимости сноса этого храма. «Как же всё-таки я противоречив...»

Священнослужитель продолжал ходить взад-вперёд по комнате, злобно посматривая в сторону телевизора.

«Нужно что-то предпринять. Так это оставлять нельзя. Холуи волю почуяли. Нужно убедить людей главного, что отступать нельзя. Дурной пример заразителен. В его стране нельзя вольнодумствовать. Лишь кнут и никаких пряников. Уступить безбожникам – предать Господа».

Слушая мысли священнослужителя, человек в чёрной одежде улыбался. За время общения с людьми он получал

огромное удовольствие от их мнимой аргументации самим себе для оправдания насилия и жестокости. Причина, по которой их внутренний популизм, сопротивление, нежелание быть искренними, называя вещи своими именами даже в разговоре с самим собой, была ему неизвестна. Но он всегда с улыбкой и поощрением принимал такие увещевания, особенно когда на преступление шли ради Господа и святых дел. Они были его любимым блюдом. И он всегда старался их поддержать и словом и делом:

– Бесноватые они. Другим словом и не назовёшь. Нужно пойти к главному и просить применить силу против вольнодумцев-безбожников. Бес-но-ва-ты-е, – сказал он по слогам. – А бесов нужно выжигать огнём и мечом, а лучше – дубинками и слезоточивым газом.

С каждой внутренней фразой священнослужитель делал кивок одобрения, убеждаясь в верности собственных мыслей. Посмотрев на своё отражение и потрогав крест на груди, он решительно направился к двери, уже зная, что нужно делать.

Человек в чёрной одежде остался один. Время остановилось. Он закрыл глаза и подумал: «Ах, как же я соскучился по войне. По крестовым походам. Одна радость. Мысли про неверных ещё работают, и с ними можно очень много чего натворить. Очень много чего...» После чего посмотрел на часы, сложил пальцы в мнимый револьвер, направил его в небо: «Как ты там говоришь, мой белый друг, – пешка идёт

за рукой гроссмейстера?» И сказал громко: «Бум!»

В это время где-то в центре Европы самолёт со сдетонировавшей бомбой смертника полетел пылающим факелом в море, унося с собой сотни погибших «неверных». Сотни людей, чья смерть в очередной раз стала разменной пешкой в руках гроссмейстера, ведущего игру ради своих богов.

9. Про любовь

Не бойтесь творить глупости ради любви – это, пожалуй, единственное, что наверняка сделает одного из людей счастливее.

Он понимал, что его к ней тянет. Тянет как магнит. Сильно или нет – это покажет время. Но сегодня с каждой секундой времени его сердце разрывалось от желания быть с ней рядом, увидеть её озорные глаза и независимо насмешливую улыбку.

«Как меня так угораздило? Она же соплячка. Мне тридцать три года. У неё ветер и дискотеки напролёт на уме. Как я так попал?»

Как его угораздило влюбиться в свою коллегу по работе, он не знал. Скорее всего, как это бывает, плюс притянулся к минусу. Она была оторвой с дерзкой причёской (яркая внешность блондинки с крашеными прядями каре), пирсингом, накаченной задницей и острым языком, отпускающим приличные и неприличные шутки по любому поводу.

Её приход на работу, где все привыкли к строгости и серьёзности, был подобен взрыву метеорита. Её энергия закружила такой хоровод, что буквально все мужчины пустили слюни, желая заслужить её внимание. Кроме него. Как руководитель соседнего отдела, он не попал в эпицентр её ак-

тивности и потому смотрел на неё просто с интересом. Как смотрят на человека, отличающегося от привычного окружения.

То ли его отстранённость, то ли алкоголь на корпоративе сыграли свою роль притяжения, но итогом стал их совместный вечер, а потом и ночь.

Для серьёзного и состоявшегося Дмитрия такое развитие событий стало приятной неожиданностью. Тем более он был одинок, строя карьеру и зарабатывая деньги. Поэтому, когда они проснулись утром у него дома, дальнейшее развитие и укрепление знакомства казалось естественным. Как показало время, естественным для него, но не для неё. Она поцеловала его в губы, сказала, что будет время – позвонит, и умчалась на такси.

Мужское эго Дмитрия было уверено, что так оно и будет, и для начала он даже думал, как бы она не стала навязчивой. Подумывал о том, что сделать, чтобы, если что, держать на расстоянии. Но когда спустя три дня от неё не было ни ответа, ни привет, уязвлённое самолюбие потребовало сатисфакции. Он решил сам о себе напомнить.

СМС нейтрального характера, чтобы не показать, что он задет. Чтобы вроде и привет, а вроде как бы нет тебя и нет.

Не особенно мастеровитый в таких вопросах, он долго думал, что написать, и в конце остановился на обычном «Давай поужинаем». Потом решил, что любое сообщение с предложением пойти в кино, ресторан или ещё куда имеет вариант

отказа. Нужен был более надёжный повод для встречи. Таким ему показался выход в клуб. Хороший модный клуб. Ответа на СМС не было часа четыре. И он несколько раз буквально заводился, чтобы позвонить и спросить, в чём сложность ответить. Но гордость останавливала.

Вечером пришло согласие, когда он уже планировал спать. Довольный за свою тактику, он отправился на встречу. Ему представлялось, что клуб, алкоголь и память о прошлой или, вернее, о той ночи сделают своё дело и утром она снова будет греть его постель.

И снова его не умудрённый амурными делами опыт дал сбой. Пришли на дискотеку они вместе и даже какое-то время вместе пили и танцевали. Но потом вечер превратился в кошмар, где его спутница играла роль главного отрицательного персонажа. Она перетанцевала с огромным количеством мужчин, часто исчезала из-за стола и вообще вела себя так, как будто они не вместе. Дима был так зол, что после бокала виски решил ей всё высказать. Но так и не смог. Она прислала СМС: «Спасибо за танцы, классный вечер. Уехала домой. На связи».

После того вечера Дмитрия как подменили. Мало того что его самолюбие унизили, так его ещё и бросили. Решив выкинуть её из головы, он собрал волю и полностью ушёл в дела. Но две недели спустя Николь написала сама. Выбирала купальник и прислала простой вопрос: «Какой тебе больше нравится?»

Логика и поведение были вне его понимания: двухнедельная тишина в эфире и, как само собой разумеющееся, вопрос и очень откровенное фото. Первой мыслью было игнорировать: «Что она о себе возомнила, малолетка. Хочу пишу, хочу верчу?»

Но его буквально распирало от желания вступить в переписку, и, не выдержав, он взял телефон и написал, что оба стрёмные, тем самым решив уязвить, да и отомстить немного своей оппонентке. «У тебя нет вкуса, извини, что спросила», – пришёл ответ.

Дмитрий зарычал в трубку. Ему стало обидно за свой идиотский ответ, но что ещё более его задело, это мысль, что она больше не напишет, после того как он только что возомнил себя востребованным гуру. И главное, он не знал, как себя повести дальше, чтобы не показать, что он хочет, чтобы она купила красный купальник, что ему хочется, чтобы она ему ещё написала. Всё что угодно, лишь бы связь продолжила свою жизнь в этот вечер.

Почему это вдруг в тот момент стало важно, он не понял. Но она, естественно, не написала ни одного СМС ни в тот вечер, ни всю следующую неделю. И эта неделя была пыткой. Пыткой, потому что он неожиданно поймал себя на мысли, что его тянет на работе зайти в её отдел. С поводом или без него. Хочется увидеть её. Даже не разговаривать. Скорее наоборот – мстительно проигнорировать своим вниманием, общаясь с её коллегами. Но его тянуло к ней. И когда в

эти минуты он её видел, когда получалось обменяться с ней несколькими словами или услышать, как она смеётся, его наполняла теплота. Огромное нежное чувство поселилось в его сухом одиноком сердце, и он понял, что «попал на любовь».

Любовь, или влюблённость, или же желание реванша за уязвлённое самолюбие так расшатали его чувства – он мало понимал. Для его одиночества это было сродни глотку свежего воздуха, что наполняет кровь кислородом. А Дмитрий действительно чувствовал себя как в пьяном бреду.

Он начал наблюдать, с кем она общается на работе, куда и в какое время уходит. Если он видел её радостной в компании других мужчин, то хмурость и злость сразу накрывали его, делая полной противоположностью своему привычному настроению. Он смотрел, когда она была в сети, просмотрел круг её друзей-мужчин, пытаясь угадать, кто из них с ней близок. Но главное, что извело его за эту неделю, – это попытка найти ответ на вопрос, кто он для неё, как объяснить её поведение по отношению к нему и думала ли она вообще про него. Иногда его внутренний голос предлагал посмотреть на ситуацию без мутных очков раненого эго. Так сказать, нейтрально оценить вероятность развития событий с ней, если бы она вела себя так, как он ожидал. Был бы он столь же охоч до её внимания?

Но Дмитрий такой неудобный для своего внутреннего «я» перекрёстный допрос быстро заканчивал, отрезая одним аргументом: «Дело, может, и в самолюбии, но эго не улыбается,

когда тебе улыбаются. И ему не тепло от встречи и простой улыбки. Так что если это привело к этому сейчас, то так и должно было быть».

И внутренний правдолюб исчезал.

Неделя пытки закончилась, и впереди были два выходных. Дмитрий решил их провести на работе, чтобы поменьше было времени думать о той, которая, сама того не ведая, забрала все его мысли в личное время.

Сидящая на рабочем месте с карандашом за ухом, она была первая, кого он увидел, идя к своему отделу. Радость и растерянность объединились в этот момент в его голове. Работать рядом с ней он точно не сможет. Он вообще уже мало что может. Ему нужно с ней как-то объясниться. Но он не представлял, как и о чём говорить.

Он просто боялся думать, что как-нибудь проявит свои чувства к ней при разговоре. Ему представлялось, что так он покажет слабость и даст ей возможность причинить боль его непонятным чувствам. Любовью он избегал называть своё состояние, но в том, что он был ею увлечён, сомнений не было. И для него было жизненно необходимо понять, есть ли в ней хотя бы капля взаимности.

«Зачем тебе это знать? – снова спросил внутренний адвокат. – Если ей на тебя наплевать, это изменит твои чувства?»

«Конечно, изменит. Я вырву мысли о ней из головы, как сорняк. Мне что, больше делать нечего, чем как мальчишке ходить и страдать от не пойманной от неё улыбки? Сгорать

от ревности, когда она в курилке с ними смеётся?»

«Но разве это плохо? Разве твоему одинокому сердцу не хотелось испытать этих эмоций? Ты же давно живёшь и мечтаешь влюбиться».

«Я мечтаю о взаимной любви. А не игре в одни ворота. Какой в ней толк?»

«Так ты научись играть сначала в одни ворота. Может, потом придёт другой игрок, с которым будет новая игра? И к этой игре ты будешь подготовлен, будешь знать правила и, возможно, выиграешь главный матч своей жизни. Если ты так хотел этих чувств, зачем их убивать своей жадной взаимности? Твои неоправданные ожидания от действий другого человека не более чем хотелка эго».

«Действительно, разве плохо думать о человеке, засыпать с мыслью о ней и просыпаться? Не это ли состояние ты так хотел испытать, встречая очередной Новый год в одиночестве?» – подвёл итог он своей дискуссии.

Что-то в аргументах самому себе Дмитрию понравилось. Не всё ложилось гладко для успокоения внутреннего состояния, но общий посыл он уловил и в целом согласился. Действительно, жизнь с увлечённостью придала всему новые краски. Как забытый вкус первой школьной любви разбудил эмоции, без которых жизнь была гораздо более пресной и невзрачной, так и тяга к ней открыла в нём состояние, про которое он уже начал забывать.

Проходя по коридору мимо её офиса, он незаметно оста-

новился за углом и начал наблюдать, как она с непривычной сосредоточенностью и вниманием что-то делала за столом. Её лицо казалось ему столь прекрасным, что он глупо улыбался, просто наблюдая со стороны. Её присутствие, даже немая связь между ними, сейчас показались ему лучшей наградой, чем он мог представить. Ни её мысли о нём, не секс с ней не были столь остро восприняты, как удовольствие от наблюдения за её работой.

«Нужно прислать ей букет цветов», – возникла из ниоткуда мысль.

И тут же строгий и надменный «я» сказал: «Нет. Прислать цветы – значит проявить слабость. Она сразу поймёт, от кого. Женщины не любят слабаков. Ими можно вертеть. Как она до сих пор тобой вертела. Тебе этого хочется?»

Неожиданная тирада против желания одарить её цветами удивила Дмитрия.

Его внутренний баттл вызвал сопротивление у чувственно влюблённой части своего «я».

«Да почему она поймёт? Что у неё, поклонников нет? Пришлю цветы без подписи. Инкогнито. Никто ничего не поймёт».

«А если поймёт? Каждый раз будет проходить мимо тебя и смеяться в спину, самонадеянный Ромео».

От сомнений и противоречий Дмитрий разозлился. Хотя на самом деле злость была следствием нерешительности сделать приятное для человека, один взгляд на которого вызы-

вал в нём тепло и нежность.

«Я хочу подарить ей цветы. Я хочу. Пусть думает что угодно. Догадается или нет – не имеет значения. Я хочу это сделать, потому что это важно для меня. Я себя прежде всего хочу одарить этими цветами: понять, что я могу совершать глупые вещи ради человека, который мне нравится. Если я могу так поступать – значит, я не совсем конченный сухарь-карьерист-одиночка, для которого целостность неуязвленного эго важнее проявления чувств и эмоций!»

Чем сильнее в нём звучал протестный голос желания проявить свои чувства, тем увереннее становилось понимание, что это правильное решение. Выбор, за которым стоит идти и ради которого, наверное, и стоит совершать в жизни глупости.

Успокоившись от своей решительности, Дмитрий ещё раз посмотрел в её сторону и отправился в магазин цветов выбирать букет. Цветы, в которые ему захотелось вложить все накопленные чувства. Все несказанные слова. Всю нежность и радость от того, что в его жизни появилось желание творить глупости ради чувства, которое он так боялся назвать любовью.

P.S.

Всем влюблённым посвящается.

Не бойтесь делать глупости ради любви. Гордость и са-

молюбие – лучшие друзья одиночества, и если встаёт выбор между ними и любовью, значит, до любви вам ещё нужно дорасти, поскольку в противном случае такой выбор даже не стоит.

10. Замок из песка

Доверие – лучший враг собственной значимости...

Алёна откинулась на подушку. Взяв в руки телефон, начала бессмысленно, автоматическими движениями прокручивать ленту инстаграма. Палец привычно нажимал на зацепившие взгляд фото, добавляя чьим-то амбициям кусочек своего благоволения.

Алёна так могла сидеть и час, и два. Для неё это был своего рода ежедневный ритуал, позволяющий отвлечься от суетливых мыслей о собственной жизни.

Ещё одним важным, но уже осознанным элементом этого действия была цель. Просматривая картинки красивой жизни других людей, она всегда отслеживала тренды и всё то, что составляло жизнь инсты, чтобы привнести их частичку в свой мир. Ну и конечно, она просто так отдыхала.

Алёна не работала, доверив собственное благополучие мужу, которого очень любила. При этом любовь не мешала через день есть его мозг маленькой ложечкой за разговорами о том, что ему нужно стремиться к большему, что денег не хватает, не плохо бы сменить машину и тому подобных вещах и разных бытовых мелочах, что раздражали её за время его пребывания на работе.

Робкие просьбы супруга попробовать ей самой устроиться на работу или чуть меньше тратить отклика в её душе не находили в силу ряда причин, о которых он не догадывался.

Первая причина заключалась в её независимости. Она считала себя красивой девушкой, а красивые девушки не работают. Никто из её знакомых красивых подружек не работал. Поэтому личная свобода и желание не быть хуже других поставили чёткий знак «кирпич» всем попыткам работы проехать по её жизни.

Из этой же причины вытекала вторая: красивые девушки созданы заниматься бизнесом. Но для этого их мужчины должны им этот бизнес дать. И все истории про то, как кто-то где-то всего добился сам она считала не более чем красивой сказкой, за которой в тени всё равно стоит мужчина.

Феминизм воспринимался ею со снисходительной улыбкой: дурочки, ищущие сложные пути в жизни.

По этим причинам Алёна не работала и проводила свободное время, встречаясь с подружками или общаясь в интернете, изредка отвлекаясь на готовку.

Не сказать, что доход семьи позволял им не бедствовать, но и впроголодь они тоже, конечно, не жили, хотя однокомнатная квартира была в ипотеке, машина была в кредите, а на житьё-бытьё оставалось около тридцати тысяч рублей (насколько ей было известно со слов мужа), из которых пятнадцать она тратила на поддержание только своей красоты.

Естественно, Алёна не знала и не думала про такие ме-

лочи. На что они едят и на какие деньги живут, были риторическими вопросами, которые всегда убедительно крылись фразой: «Любимый обязательно что-нибудь придумает для неё».

В этот вечер лайкопуть был не особенно активным. Она обдумывала, как убедить любимого купить ей новую сумку.

За этими мыслями её и застал звук открываемой двери, означавший приход любимого мужа домой.

Миша стоял перед дверью своей квартиры. Ключи были в руке, но он не торопился вставить ключ в замочную скважину.

Нерешительность или, вернее сказать, нежелание входить в собственную квартиру было вызвано неприятностями, случившимися в его жизни. Сегодня ему отказал шестой банк в выдаче кредита. Это означало, что он подошёл к той черте закредитованного человека, которая отделяет надёжного заёмщика от ненадёжного. Черта, за которой даже с его зарплатой в сто тысяч рублей банки давали от ворот поворот.

А кредит ему был очень нужен: чтобы платить по предыдущим кредитам и чтобы просто банально купить еды.

Ещё утром он рассчитывал, что кредит дадут и он снова получит небольшую передышку. Чтобы привести дела в порядок, уговорить Алёну найти работу, начать экономить и перестать тратить деньги впустую.

На самом деле такие обещания самому себе он давал уже не раз и не два. Но каждый раз его планы рушились, как толь-

ко вставал вопрос о новой безделушке для любимой.

В целом Миша не был транжирой, однако любовь к Алёне показала, что он относится к тому типу мужчин, что любят производить впечатление своей щедростью и возможностями кошелька. Иначе говоря, в определённый момент ему не хватило гордости или смелости признать, что он её «не тянет».

Когда она мечтательно говорила о своих маленьких желаниях, он чувствовал себя большим волшебником, исполняющим мечты маленькой девочки.

Тратить на неё деньги доставляло ему удовольствие и казалось одной из сильнейших форм проявления любви, поскольку иногда её запросы были им совершенно не по карману, но именно в такие моменты он самоуверенно полагал, что в его силах дать ей всё, что она захочет.

Именно тогда он и начал потихоньку перекредитовываться в банках, не находя в себе сил сказать ей «нет». Да и самолюбие противно поддакивало внутри: «Ты же мужчина и можешь позволить давать своей женщине то, что она хочет».

Они были женаты два года, но Миша до сих пор считал, что ему повезло жениться на такой красавице, как Алёна. «Красота требует жертв», – говорят пословицы. Миша был с этим согласен. Красивая жена требует дорогого обслуживания. И пусть свой доход он не считал чем-то выдающимся, его это тешило себя мыслью, что раз с ним красавица жена, то для других должно было быть очевидно, что он вполне

себе состоятельный мэн.

Время шло, Алёна не работала, а кредитная кабала росла. И платежи, вначале казавшиеся каплей, превратились в бушующую реку.

Но даже тогда он справлялся, сумев объединить все кредиты в одном банке. Переосмыслив свои траты и образ жизни, решил серьёзно поговорить с Алёной о семейном бюджете, взять расходы под контроль.

Но именно в тот момент ему предложили повышение по службе. Судьба-злодейка, словно дразня его решимость и благие намерения, сделала ему предложение новой должности и увеличение дохода в два раза.

Естественно, цель по изменению образа жизни и разговор с Алёной мгновенно были забыты, а вместо этого счастливая пара отправилась на Мальдивы. Куча фоток и комментариев в инстаграме любимой, довольное самолюбие и чудесные воспоминания. А ещё окрылённость от собственной крутости и вера в новые возможности.

Конечно, поездка была в кредит, и платёж ещё больше увеличил реку долгового бремени. Но по сравнению с новой зарплатой это были мелочи. Такая эйфория продолжалась четыре месяца.

Один из его друзей никогда в жизни не брал кредит. Немного странный. Он считал, что нельзя занимать у будущего для исполнения своих желаний в настоящем. Вроде как ожидания от будущих доходов никогда не накормят тебя се-

годня. Для Миши это звучало бредом. Вся страна жила в кредит.

Однако, когда через четыре месяца в компании объявили оптимизацию и ему предложили либо увольнение, либо переход на пониженный оклад с сохранением должности, именно слова друга возникли в его голове: никогда не занимай у будущего.

Паника, накрывшая его в момент получения уведомления о сокращении, была столь сильной, что задрожали руки и произошло расстройство кишечника. Такого стресса он не испытывал ни разу в своей спокойной и неяркой на события жизни.

Внутренний голос попробовал оптимистично заметить, что, возможно, всё к лучшему. Но получилось столь вяло и безжизненно, что только ещё больше усилило его смятение. Стон безнадёжности. Ипотека, машина, платежи. Он банкрот. Ему нужно срочно перекредитовать все обязательства в один банк. И зачем они только ездили в этот отпуск? Зачем он взял этот кредит и вообще все эти кредиты? Как он мог так полагаться только на свою зарплату?

Все эти воспоминания пронеслись яркой мелодрамой в его мыслях в тот момент, когда он нерешительно сжимал ключ перед дверью своей квартиры. Финальной мыслью была реакция Алёны. Как она отреагирует и что будет с ними дальше? Глубоко вздохнув, он начал открывать дверь.

– Любимая, я дома.

– Привет, котяра. Я с маской лежу, поэтому не встречу.

Ужин готов.

– О! Праздник к нам приходит? Ужин.

– Ну, конечно. Я решила тебя подмаслить, прежде чем скажу кое-что.

Миша понял, что это кое-что – полная противоположность того, что он хотел сказать Алёне. Поэтому зашёл в комнату, кисло улыбнулся и тихо сказал:

– Любимая, мне тоже нужно тебе кое-что сказать. Но сначала ты.

P.S.

В квартире стояла мёртвая тишина. Настенные часы размеренно отправляли секундную стрелку в новый забег, нарушая тишину своим упрямым тик-так.

Алёна молча сидела на краешке дивана и смотрела бессмысленным взором в ночную пустоту открытого окна. Несмотря на жару, ей было холодно, и она прижимала ноги к груди, обняв их руками и уперев подбородок в колени.

Она вспоминала себя маленькой девочкой, строящей замок из песка, в их первую с мамой поездку на море. Замок размывало водой, как только какая-нибудь настырная волна выбивалась из общего строя, осмеливаясь преодолеть черту, которую маленькая Алёна считала безопасной для своего сооружения. И тогда приходилось всё начинать сначала. Но

маленькая девочка не сдавалась, чуть отодвигая место для замка.

Песочные замки или воздушные, они всегда очень быстро находят свой конец. Их можно строить, чтобы порадовать себя сиюминутно. Ими можно поиграться, дав волю мечтам и воображению. Но в этих замках нельзя жить. Нельзя планировать, надеяться, верить и любить. Любовь в таких замках похожа на сам замок, вся воздушная, чистая... Не придерёшься.

Есть ли у неё любовь?

После разговора с мужем, скандала и его ухода ночевать в гостиницу этот вопрос остался единственным, который она продолжала задавать себе снова и снова.

Часть её говорила, что он недостойн её любви, он обманщик. И его не оправдывает даже то, что он всё делал ради неё. Он должен был сразу ей всё рассказать. Они должны были решить эту проблему вместе. Но от этого утверждения, даже ей казалось, отдаёт какой-то книжной банальщиной.

В то же время сообщить ей, что они банкроты из-за его любви ублажать её прихоти, было верхом наглости. Нет, ну, конечно, он сказал об этом не так. Но это было понятно и дураку. Получалось, что все беды из-за неё. Как только такой вывод приходил в её мысли, она сразу начинала учащённо дышать, от злости сжимая кулаки.

Но эта реакция была первой. Она уступила своё место апатии и меланхолии.

Сказать себе, что любовь закончилась при возникновении первого серьёзного семейного разлада, представлялось ей предательством. Несмотря на свою внешнюю недалёкость, часть Алёны верила в любовь. В большую, искреннюю и чистую любовь, что проходит испытания огнём, водой и медными трубами. Неужели её любовь сломалась на обычных деньгах?

Хотя почему на обычных? Огромное количество семей разбиваются об эти коварные скалы. Всем нужны деньги, и когда их не хватает, счастье и семейная радость быстро превращаются в разведённые семьи.

С другой стороны, многие терпят: без любви, без денег. Просто терпят. Её мама так терпела жизнь с отцом, неясной тенью маячившим всё её детство где-то на заднем плане.

Даже мысли о том, что она ищет в себе любовь, чтобы преодолеть эту ситуацию, высасывали из неё последние силы.

Воспоминания о Мише не возникали в голове. Ни прошлого, ни будущего. Всё ушло в небытие. Алёна лежала на диване и думала только о том, была ли её любовь построена как воздушный замок или всё же у неё было основание, на котором можно построить новый замок, или дом, или в крайнем случае хижину.

Но даже несмотря на всё случившееся, Алёна привычным движением потянулась к телефону, чтобы снова бессмысленным взглядом красивой безработной девушки поставить заветные сердечки чьим-то счастливым фотографиям чужих

ВОЗДУШНЫХ ЗАМКОВ.

11. Принцип допустимой жертвы

– Почему свобода – главная человеческая ценность?

– Потому что только свобода проявляет настоящего Человека. По-настоящему свободный человек никогда не злоупотребит свободой и всегда будет чувствовать свою ответственность за неё.

В этом его главная сила и слабость и человечность.

– Получается, он всегда будет несвободен?

– Получается, так.

(Попытка осмыслить одиночество человека, ставшего заложником своих убеждений, на примере власти. Всё содержание вымысел.)

Человек в костюме без галстука закрыл глаза. Откинул голову в кресле. Расслабил лицо, видимо, что-то обдумывая.

На столе лежала докладная записка, в которой содержался обширный отчёт о расследовании выскочки. Расследование было достоверным, с хорошими и обстоятельными обзорами всех нелегальных аспектов деятельности лиц, в отношении которых оно было произведено. Некоторое время он размышлял, анализируя ситуацию с безмятежным лицом. Иногда на нём проскальзывала мимика недовольства, иногда желваки сжимались, говоря о внутреннем напряжении. В целом лицо было спокойное.

«Как же нам его заткнуть? Скоро не будет ни одного че-

ловека в его окружении, про кого выскочка не выпустил бы своё расследование. Всё роет и роет. Как же он мне надоел. Как муха возле стола жужжит и раздражает».

На какое-то время мысль унеслась к морю, захотелось отдохнуть, искупаться и позагорать. Отмахнувшись от притягательной картины, он постарался вернуть её в рабочее русло.

«Кого оставить после себя? Кто выдержит такой стресс? Надёжный и верный. Кто не предаст». Такого человека не было на горизонте. А между тем потребность в нём росла с каждым днём. Время шло. Всё его окружение рассадило своих детей по верхушкам госкомпаний. Все они самозабвенно пользовались открывшимися возможностями покормить своё самолюбие (якобы чего-то стоящих отпрысков) за счёт госбюджета. Но никто не хотел работать. Все только воровали, используя свои связи и своё положение. Он был не против воровства во имя преданности. Но преданности не было. И как её найти, когда вокруг остался только страх?

Вот уже почти тридцать лет он ведёт войну за свою страну. Время, которое без пощады изменило его жизнь. За это время многое ушло из того, что выдержало американские горки девяностых. Изменения коснулись семьи, личной жизни, его страны.

И не понятно, где лучше, где хуже.

На заре своего единовластия он пытался быть открытым и дружелюбным. Но в мире ничего не изменилось. Либерала-

лы из-за океана по-прежнему везде лезут со своей правдой, их тень-калека с континента молчит либо привычно поддакивает. Демократы недобитые.

Наивность свободы слова прошла быстро: если не проявлять волю и твёрдость, то тебя заключают. Вотрутся в доверие, а потом предадут, забрав самое ценное. Он неоднократно с этим сталкивался и в первые годы власти ещё пытался опираться на веру в силу слова и дипломатию уважения. Но нет. Чуть дашь слабину, и тебя забросают камнями свободные СМИ. Малейший шаг не в ту сторону – и можно полететь в пропасть.

Начало было трудным, но тогда казалось, что всё можно изменить, если поставить во главе своих людей. Верных и надёжных, тех, кто понимает и разделяет свою любовь к родине и трезво оценивает угрозы со стороны. Тех, кто поймёт, что иногда можно пожертвовать меньшим, чтобы выиграть большее. Он назвал это «принцип допустимой жертвы».

Ещё в годы учёбы в институте, анализируя шаги народного диктатора до и во время войны, он, с одной стороны, тушил мятежный дух, поднимавшийся в нём как протест репрессиям и убийствам, проводимым по всей стране, а с другой стороны, ловил себя на мысли, что, может быть, по-другому было нельзя. Может быть, именно их жертвы и принесли стране те успехи, что даже не снились бы аграрной стране. В шахматах же есть приём жертвования фигуры. Игрок понимает, что этот ход необходим сейчас, потому что по-

том принесёт победу. Возможно, тот был опытным шахматистом. Именно тогда он придумал название его стратегии: принцип допустимой жертвы. Безусловно, это была сделка с совестью, где большее оправдывает гибель меньшего.

Именно по такому принципу он и выбирал всё своё окружение. Честных и принципиальных он пропускал. Система, которую он планировал создать для защиты страны и её развития, не допускала принципиальностей внутри себя. Только гибкость и лояльность.

Сначала все работало как часы, но потом пошли сбои.

То, что он позволил своему окружению, его окружение сразу позволило своему. И так по кругу до самых первых исполнителей. Он понимал, что им нужно будет дать наесться, заполнить все свои церковные, жизненные дыры. Но потом он ожидал, что они заработают. Однако оказалось, что ошибся. Время беспощадно посмеялось над его ожиданиями.

У окружения стали расти дети, один круг сменял другой, но никто не хотел делать что-то для страны. Все только и смотрели ему в рот, чтобы понять: так ли они ничего не делают. Он недооценил страх инициативы. Его стали бояться. Бояться что-либо делать так, как подсказывает разум и сердце. Отдавать себя стране. Вместо этого всё встало. Страх остановил движение во благо его целей, этих же целей боясь не достигнуть. Изменения, на которые он рассчитывал, не шли, потому что никто ничего не хотел делать, боясь потерять то, что получил за свою лояльность.

И что самое главное, ему нечего было им сказать. Они не шли против него. Всегда были за. Но только того, что он говорил, было мало, это нужно было делать, но система лояльности и преданности, послушно смотрящая ему в рот, уже где-то на втором колене ломалась.

Импульс активности угасал, увязнув в кланах интересов отпрысков построенной им системы. Системы, в которой не нашлось места идейным людям. Где было только море прикормленных горе-ястребов, зажавшихся от лёгкой добычи. Вывези таких на охоту в дикие леса, и они первые станут добычей хищников, потому что мыслят шаблонами и боятся сделать креативный шаг. Не умеют, да и не хотят ценить свободу. Предпочитая свою сытую неволю.

Иногда хотелось их всех сменить и провести прилюдную порку. Показать, что неприкасаемых нет и быть не может. Но потом это желание гасло. Точнее, он сам его останавливал.

Их он знал. Они своё украли. И на каждого был свой том с полным раскладом, где и сколько. И они это знали. И понимали, что теперь, если не на них, то на кого ещё он может положиться.

Их дети не его выкормыши. Они преданная плеяда системы. Но не его самого. Их понятия о чести, совести и другом образном мериле человеческих ценностей свелись к одному: мне можно всё, а значит, пусть эти ценности управляют жизнями холопов.

Он не мог изменить их подход. Он сам его создал. Стране

не хватало идеи. Идейных людей. Чести и совести. А ещё законности. Про законность его система вообще успешно умела забывать. Но в этом и была слабость. Свобода и креативность, инициативность и предприимчивость не сочетались с беззаконием и системной лояльностью. А при выборе между ними он всегда был за систему. Худо-бедно она подтвердила свою жизнеспособность, вытащив страну из хаоса демократической анархии в сильную и относительно независимую страну. И тут в голову пришли исторические аллегории про царского колосса на глиняных ногах. Только ноги сегодня были не глиняные, а нефтяные, и чем дешевле была нефть, тем менее устойчиво держался этот колосс.

Он открыл глаза и снова стал просматривать доклад.

Очередное расследование про птенцов. Выкормышей с руки. Миллиардные дома. Он тяжело выдохнул. Миллионы – это не их уровень, по-царски все строят – на миллиарды. Как в пошлой пословице: либо с королевой спать, либо миллиард воровать. «Ещё бы работали на миллиарды, – подумал он, – работы как не было, так и нет. Где-то принцип допустимой жертвы дал сбой. Где же он ошибся?»

Для него было неоспоримо, что народу нужна жёсткая рука. У нас это в крови – полагаться на сильного защитника.

Былинные богатыри дали старт этой мутации генов. Это он реализовал в полной мере. Поддержка у народа была. Но вот качество этой поддержки было неэффективным. Люди без образования, село, рабочие и специалисты на государ-

ственной службе. Те, кто работают для кого-то.

Для них он практически сделал церковь частью государства, де-факто позволив строить храмы и забирать землю везде, где им будет угодно. Рассчитывал, что верующий народ будет более лоялен. Лояльности было хоть отбавляй. Только на ней всё и заканчивалось.

Те, кто строил свой бизнес, те, кто мог и должен был развивать страну, от него отвернулись и не поняли его благих целей. Каждый доклад бизнес-омбудсмeна показывал, что бизнес умирает или еле-еле выживает. Каждый вертится как может, не желая платить налоги стране, которая, как им казалось, одним давала всё, а других обдирала до нитки.

Сильная и жёсткая рука бизнесу не понравилась. Бизнес и интеллигенция хотели демократии, законности, равноправия и уважения. Свободы.

Они не понимали, почему ради процветания страны можно закрыть глаза на смерть человека, погибшего по вине лояльного системе чиновника или его родственника.

Они не признавали выгодные контракты и политику протекционизма по принципу лояльности, так как считали, что тоже имеют право.

Они всячески отрицали свою приверженность курсу и вот нашли того, кто начал проводить расследования и говорить то, что они в себе не находили смелости озвучить вслух.

Иногда он их понимал. Иногда действительно видел сходство происходящего с рассказом про Чиполлино. Но потом

приоритеты брали вверх. Принципиальность, единственная принципиальность в его системе, побеждала благоразумие, и он снова говорил себе, что малая жертва даст возможность возрасти великому. Время всё расставит на свои места. Как сейчас: никто не вспоминает преступления тирана прошлого, а помнят только величие и победы, достигнутые при нём.

Таковыми мыслями он часто оправдывал то, против чего на заре своей карьеры неоднократно выступал, борясь за мир и спокойствие граждан своей страны. Справедливость. Маленький мальчишка из притчи, вечно прячущийся от людей.

Её было слишком мало в этом мире, и вряд ли следовало давать ей шанс проявить себя, чтобы нарушить веру в защищённость тех, кто верен его курсу. Но иногда, его начинала охватывать внутренняя пустота за грехи, что несли его слуги, получая свои миллиардные дома от терпящего всё народа.

И тогда страх мелькал в мыслях, и ассоциативный ряд исторических событий снова рисовал в его сознании революцию и царя.

«Что будет со всей этой челядью, которая сейчас сидит и плюёт сверху вниз, считая, что так будет всегда? Что его форма правления – это тренд и народ будет терпеть?»

Устал. Расследования выскочки частенько стали вызывать в нём философский тайм-аут. Он взглянул на свои дорогие часы. Стрелка равномерно отсчитывала бег времени. Нужен преемник или нужно менять систему. Пока силы есть. Время бежит, и уже не в его пользу счёт. Но силы ещё есть, чтобы

начать менять то, что стало само себя пожирать.

P.S.

Вера в собственную исключительность часто приводит к тоталитаризму. Но иногда она трансформируется в убеждение: «Я лучше знаю, как лучше». Один человек никогда и ни при каких условиях не может знать, что лучше для миллионов других. Он только может заблуждаться в своих убеждениях.

Рассказ не попытка сказать слова «за» или «против». Это личное убеждение автора, что для процветания народа в нём должна жить идея, мечта.

Эта идея не должна превозносить одних над другими, не должна ломать и калечить. Она исключает принцип допустимой жертвы одним своим существованием. Она должна давать свободу и творчество людям для реализации своих возможностей. Она должна объединять и заставлять конкурировать. И она должна давать равные шансы.

Идеализированность текста не означает, что её не может быть. Но пока в головах людей сидят покорность и смиренность, пока объединение умов происходит через церковь, в которой вера одного человека внедряется в сердца и верования миллионов, эта идея никогда не появится. Потому что для её появления ограничения не нужны. Нужна лишь ответственность каждого из нас за права и свободы другого,

пусть даже отличающегося от нас по цвету кожи, религии, сексуальным предпочтениям или политическим убеждениям человека. По-другому этот мир лучше не станет.

12. Почему моя жизнь хуже других? Лена и выбор

Часть 1

Люди, сравнивающие свою жизнь с другими, всегда будут столь же несчастливы, сколь счастливы будут те, с кем они себя сравнивают.

Нажав на кнопку аварийной остановки, Лена направила машину к обочине. Выключив двигатель, некоторое время сжимала руль, как бы раздумывая, что сделать дальше. Напряжённое лицо и буквально раздувающиеся ноздри, сигнализировали о высшей форме внутреннего напряжения и волнения.

Затем резким движением открыла дверь и начала спускаться с обочины в поле, раскинувшее зелёный ковёр свежих посевов во все стороны влево и вправо.

Редкие машины нарушали тишину, проезжая мимо. Только лёгкий ветер завывал в ушах, пока она бежала от машины прочь в середину поля. Немного запыхавшись, остановилась. Потом опустилась на колени, подняла голову в небо и прошептала:

– Почему? Почему?

Слово срывалось с губ всё чаще и чаще.

Сначала негромко, но, словно набираясь решимости, скидывая контроль над своими чувствами, она вкладывала в свой вопрос всё больше голоса и наконец перешла на крик.

– А-а-а-а! Почему!

И дикий, уже почти неразборчивый рёв вопроса растворялся в потоках ветра, свободно шелестящего весеннюю траву.

Состояние Лены было эмоциональным выплеском не на какое-то событие, резко надломившее привычный уклад жизни. Это был крик души на казавшееся несправедливым распределение счастья, везения и удачи в её жизни, по сравнению с людьми, которые, как ей казалось, ничем это счастье не заслужили. Ну или по крайней мере были ничем не лучше, чем она, а где-то даже хуже. Но у них было всё, а у неё, по сравнению с ними, ничего.

Лена ехала в деревню со встречи выпускников. Четыре класса реализованных и нереализованных амбиций встретились, чтобы посмотреть, кто чего добился за эти пятнадцать лет жизни.

Лена не сделала карьеру, не добилась успехов в бизнесе, не выросла в начальника какой-нибудь госструктуры и вообще была одной из самых скромных фигур этого юбилейного мероприятия. Но именно перед ней многие щеголяли своими успехами. Подходили, обнимали, целовали, и каждый стремился узнать: «Ну как ты, где ты?»

Всем хотелось узнать, в кого выросла самая активная и популярная девочка выпускных классов, как сложилась судьба отличницы, активистки школы во взрослой жизни. И если сначала она ещё отшучивалась, то потом поняла, что им нравится показывать, как же сильно они преуспели по сравнению с ней. Каких достигли высот и как с плохо скрываемым удовлетворением узнавали, что она не стала ни звездой экрана, ни моделью, ни журналистом.

Она никому не рассказала, что её, как мотылька на огонь, притянула судьба бандита, от которого она забеременела и осталась матерью-одиночкой, работающей простым бухгалтером. А потом был брак с ещё одним нерадивым мужчиной, чей блеск и щедрость оказались пшиком игромана, от которого ей остались куча взятых кредитов и ещё один ребёнок.

Казалось, что жизнь специально сжигала её мечты и желания, каждый год подбрасывая какие-то испытания, пока она наконец не смирилась и не сняла свою мысленную корону самой популярной девочки выпускных классов.

Единственное, что жизнь в ней не сломала, – это любовь к этой самой жизни. Природный оптимизм, который ещё в школе сделал её звёздочкой, поддерживал и не позволял падать духом даже в самые безнадёжные времена.

Понятие о честности, верности и доброте не смогли вытеснить из неё ни встречи с проходимцами «с большим любящим сердцем», ни одиночество матери, воспитывающей двух детей.

Наоборот, когда появились дети, то любовь к ним только усилили её веру в себя. Жизнь закалила и сделала несгибаемой, казалось, к любым жизненным неурядицам. Оказалось, ошиблась.

Обычная встреча одноклассников, и её самомнение о том, что она сильная, знающая себе и своим убеждениям цену девушка-женщина, разбилось от жизненного щелчка по носу.

И вот она в центре зелёного поля, где без единой слезинки сухим надломленным голосом спрашивала у неба одно и то же: «Почему в её жизни всё произошло именно так, за что жизнь вылила не неё помои отбросов общества, в чём она провинилась молодой девчонкой, чьи мечты и желания после выпускного были безжалостно раскатаны катком реального мира?»

Весь день она смотрела на своих друзей и подруг прошлого и отмечала, как сильно все изменились. И весь день волей-неволей была вынуждена прикладывать шаблон успехов и достижений чужих жизней к своей. И чем больше сравнений было не в её пользу, тем острее в ней поднимался протест и негодование этой несправедливости.

Вот Мишка, управляющий банком. Три плюс два складывал с трудом.

Вот Альбина, чуть ли не шалавкой считалась среди парней, приехала аж на личном «Бентли». «Муж подарил на юбилей свадьбы, он у меня с нефтью связан», – как бы мимолётом ответила она на вопрос: «Откуда дровишки на та-

кой лакшери».

Или Олег, которого почти отчислили из школы за оскорбление директора, последний хулиган, приехал на «Тесле». Развивает цифровые технологии, энергосбережение и заботу о природе.

И так далее и тому подобное. Нет, она не говорила себе, что они недостойны своих удавшихся жизней. Она лишь не соглашалась с позицией своей, неудавшейся по сравнению с ними, жизни. Отчего и сбежала с этого праздника и уехала в деревню: чтобы побыть в тишине, оставив детей родителям.

Но даже в пути она не могла избавиться от воспоминаний о ехидно насмешливых улыбочках тех нимфеточек, что ставила ниже себя в школе. От ободряюще понимающих мужских кивков, фальшивого сочувствия её нелёгкой жизни, ментально выключающегося, как только кто-нибудь подходил и весело предлагал выпить.

Воспоминания разожгли в ней такой протест, что она ехала и не видела дороги, а только машины, улыбки и рассказы: «Я там, я здесь, я не работаю, я в отпуске, у меня свой бизнес» и т. п. Именно они и довели градус эмоционального стресса до такой степени, что она была вынуждена остановиться и выплеснуть в мир все своё отрицание сложившегося положения вещей.

Раскинув руки и ноги звездой, она лежала на траве в полной тишине. Тишина снаружи поддерживала тишину внутри, резко наступившую после выплеска накопившегося нега-

тива. Тело обмякло, глаза стали тяжёлыми, и захотелось спать. Расслабление наполнило сознание полным безразличием ко всему. В голову не приходило больше ни одной мысли. Все раздражители потухли, растворившись в окружающей природе, принявшей в своё лоно потерянную Ленкину душу и тело.

Солнышко пригревало, щебетали соловьи, ветер создавал свою симфонию в оркестре из травы и редких деревьев, разделяющих пахотные земли.

Лена впитывала в себя это мгновение безмятежной гармонии, которой не было пять минут назад.

«Спасибо», – послала она мысленную благодарность в пространство.

Потом фокус её мыслей сместился на анализ своей реакции на успехи и достижения однокашников.

«Все изменится, – неожиданно для себя, но очень убедительно сказала она вслух. – Это хорошо, что мы встретились. Теперь я знаю, чего хочу».

В лёгком, воздушном платье белоснежного цвета Лена сидела на скамейке, мечтательно улыбаясь своему восхитительному настроению.

Она ждала свою подругу, всегда опаздывающую, чтобы обсудить их совместный бизнес-проект.

День был жаркий, и только ветерок с реки спасал положение, позволяя не расплавиться в лучах палящего солнца. Мимо проезжали машины, водители которых откровен-

но поворачивали голову в её сторону. Она чувствовала себя прекрасно. Смена имиджа на блондинку а-ля Мэрилин Монро и образ девушки пин-ап придали её жизни и уверенности, и свежих мыслей. Откровенные взгляды мужчины только подчёркивали эти ощущения: она поймала струю жизни с новым «я», в котором время работало на её успех и счастье.

– Какой всё же странный мир нас окружает.

Мысли Лены были вынуждены вернуться из своего заоблачного путешествия к собственному счастью, чтобы сконцентрироваться на том, чей голос посмел нарушить её внутреннюю гармонию. Она открыла глаза и посмотрела на говорящего. На другом конце лавочки примостился мужчина, одетый в плотный чёрный костюм и такую же чёрную рубашку с расстёгнутой верхней пуговицей.

Часть 2

Чувство неполноценности собственной жизни возникает, только когда ты её неправильно воспринимаешь.

Мужчина в чёрной одежде щурился на солнце, видимо, нисколько не страдая от жары. Более того, он, похоже, получал удовольствие, откинув голову и задрав подбородок, как бы максимально подставляя себя лучам солнца.

«Как можно в такую жару сидеть на самом солнцепёке в чёрной одежде?» – мысль мелькнула и тут же растворилась

под воздействием новой: «Странный тип, ему вроде бы и не жарко. Ни капли пота на лице».

Лицо было загорелое и ухоженное. Гладко выбритое, с резкими чёрными прямыми бровями и тёмными глазами. Тонкие губы придавали лицу вид скульптуры.

«Откуда он взялся? Я так размечталась, что даже не слышала, как он сел на лавочку».

– Извините, Вы мне?

– Ой, простите. Не хотел Вас побеспокоить. Просто люблю иногда поразмышлять вслух.

Мужчина как бы извинялся, но одновременно с этим его взгляд оставался каким угодно, только не извиняющимся.

– Я говорю, насколько же странно устроен этот мир, Вы не задумывались? Вот посмотрите на эту сцену. Бабушка стоит на остановке и ждёт автобус. Она пропускает уже второй, потому что он неудобный и в нём много народа. Человек всю жизнь честно работал, не воровал и не обманывал, чтобы на пенсии стоять на остановке и не иметь возможности сесть в автобус.

Лена взглянула на остановку неподалёку, где стояла бабушка, которая действительно нерешительно делала шаг в сторону автобуса, после чего останавливалась, видя плотно заполненный салон.

– А посмотрите в другую сторону – светофор. Видите этот прекрасный кабриолет со жгучей брюнеткой за рулём. О! Она чувствует себя королевой жизни, управляя этим пре-

восходным автомобилем. Как с картинки сошла с надписью: «Моё имя “Успех и благополучие”».

Лена перевела взгляд на брюнетку за рулём «Мерседеса». Белые очки на загорелой коже лица хорошо гармонировали с её черными волосами.

– Никто и не подумает, что она приходит домой, где её ждёт муж, у которого две любовницы, одна из них – его секретарша, с которой она дружит когда та периодически приходит к ним в дом со своей семьёй. Отличный пример договорных отношений со своим «я», чтобы на пенсии не стоять на остановке в ожидании автобуса.

Или взгляните на этот образец автомобильного искусства. Шестьсот лошадиных сил. На мой взгляд, один из лучших аналогов спортивному скакуну. Пересев с лошади за его руль, я впервые не испытал дискомфорта.

За рулём сынок местного бандита, сросшегося с властью. Ему девятнадцать лет, а он думает, что возит с собой в портмоне бороду бога. Поймал и не отпускает. Он даже так и называет своё портмоне – «исполнитель желаний». Первые деньги папы пришли с рэкета и торговли фальсифицированной водкой.

Или вот мосье. Подставил партнёра и захватил весь бизнес. Добрейший человек в своём подъезде.

Лена внимательнее взглянула на мужчину в чёрной одежде. Она даже не подумала, откуда он знает всё то, о чём говорил. Она удивилась тому, почему он говорил это ей. Говорил

буквально её мыслями другие истории.

Прошёл год с того памятного дня, когда она пересмотрела свою жизнь, раскинув руки и ноги в центре поля вобретении своей новой личности. Но мысли того дня остались, и вопрос, обращённый в небеса словом «почему» не получил ответа.

И вот на лавочке сидит странный человек, который, по сути, размышляет о том же самом.

– Мы живём и не понимаем, почему мир так устроен. Мы живём с постоянным ощущением дефицита справедливости. Мы живём или существуем? А может быть, те, про кого мы сейчас говорим, на самом деле живут полной жизнью, а нам остаётся ждать свою пенсию на остановке? Всё-таки мир – большой насмешник.

Человек в чёрной одежде замолчал.

Лена внезапно захотела, чтобы он продолжал. Словно его голос содержал в себе зерно правды, которое она хотела найти, и сейчас он остановился на самом интересном месте, именно тогда, когда ей безумно захотелось узнать ответы на все свои вопросы.

– И почему же он так насмехается? – неожиданно сдавленным голосом спросила она.

Поворот головы, улыбка. Разводит руками, словно показывая на всё, что перед ними:

– Потому что он не любит правила. Любит эксцентрику и экспромт, любит смеяться над занудами, давая им по носу

своими противоположностями. Мораль и принципы всегда будут у него в конце списка ценностей, за соблюдение которых можно дать пряник.

Он закрыл глаза, вытянул губы трубочкой, как бы посылая кому-то воздушный поцелуй.

– За любой красивой картинкой счастья и успеха в этой жизни скрывается полное отсутствие моральных принципов. Любой богач – это хищник, который пойдёт на любые жертвы ради своего благосостояния. Конечно, не сразу, но беспринципность как наркотик. Она затягивает своей вседозволенностью.

В этот момент со стороны, где сидела Лена, подошёл дедушка с протянутой рукой.

– Подайте на хлебушек.

Лену будто окатили ледяной водой – настолько контрастным и неожиданным был голос и прошение этого дедушки.

Реакция человека в чёрном была мгновенной и странной. Он поднял голову в небо, покачал отрицательно головой, одновременно доставая из кармана деньги.

– Нам с Вами пытаются помешать. Хотят отвлечь от понимания устройства этого мира. Вы думаете, стоит помочь этому человеку? Ведь он тоже своего рода отказался от принципов и моральных устоев.

Ест с мусорных бочков, везде с протянутой рукой. Он привык ходить и просить. Разве он не достоин осуждения, как та красотка, что, по вашему мнению, не заслужила свой

кабриолет? Разве он достоин милости, жалости и сострадания за отказ от своих моральных убеждений? Отказался, но богатым не стал. Полная противоположность. Но его вам жалко и ему вы хотите подать, а брюнетка для вас – шалава беспринципная. Разве вы сами таким выбором не поддерживаете этот самый дефицит справедливости?

Лена хотела было отдать деньги, чтобы подать, но сначала увидела, что деньги достал человек в чёрном, а потом после его слов она словно снова оказалась очарована его голосом и аргументами, отчего желание подать милостыню куда-то исчезло.

Немая пауза смотрелась нелепо со стороны: старик, протягивающий руки к двум сидящим на лавочке людям. Два человека держат в руках деньги, но не дают их третьему в руки.

Забыв о старике, Лена спросила, сжав купюру в кулаке:

– Вы профессиональный ценитель человеческих душ или судья? Или мастер слова, открывающего тайны мироздания?

– Ой, что Вы. Я всего лишь психоаналитик, вот моя визитка, приходите ко мне. Уверен, нам есть, что вместе обсудить.

Одной рукой он достал визитку и передал Лене, вторую протянул старику, разжал кулак и подул на свою ладонь. Смятая купюра полетела в сторону старика, он попытался её поймать, но она проскользнула мимо его рук и полетела на землю.

Старик отвернулся от сидящих на лавочке и попытался

поднять купюру, но та, повинаясь порыву ветра, полетела по асфальту дальше и дальше.

Лена уже этого не видела. Она смотрела на чёрную визитку с золотым тиснением. Там был телефон и одна фраза: «Где мир теряет гармонию, там возникают вопросы, ответы на которые знают те, кто эту гармонию создал». Заинтригованная, она подняла глаза и хотела ещё спросить, но обнаружила только пустую лавочку. От человека в чёрном осталась только визитка. Чуть дальше от неё раздался звук тормозов, кто-то отчаянно сигналил, потом удар, шум, крик, бегущие люди. Лена не обратила внимания, мысленно повторяя фразу с визитки.

Старик лежал под машиной и сжимал в руке пятитысячную купюру, которую всё же поймал. Пусть и ценой своей жизни. Кровь капала изо рта. Руки дёргались от предсмертных судорог. Рядом стояла жгучая брюнетка в белых очках, чей «Мерседес» только что сбил старика, метнувшегося на дорогу за своими рублями.

– Он сам. Я не виновата. Он сам. Он прыгнул под колеса сам!

Умирающий старик так и не успел сказать фразу, которая возникла у него, когда он увидел ту блондинку.

Он не понял, почему ему в голову пришла мысль попросить у неё денег. Словно кто-то ему сказал, что она не откажет. А потом в голове возникла та фраза, и он должен был её произнести вслух: «Жизнь живёт в тех, кто жизнь поддер-

живает, кто не разменивает её, продавая частичку души за бумажки, жизнь там, где доброта и любовь вытесняют алчность и тщеславие».

Старик не понимал и не знал, откуда эти слова появились в его мыслях. И не понял, почему их не сказал.

«Бумажка в руке чёрного человека вытеснила все мысли, кроме желания эту бумажку получить. Вот почему», – с удивлением ответил он сам себе и выдохнул последний воздух из лёгких. Его рука обмякла, и бумажку снова подхватил ветер.

Она закружилась, завертелась, поднимаясь и опускаясь на волнах воздуха. Через некоторое время она упала на асфальт. Прямо под ноги. Чёрные ботинки, чёрные брюки. Человек в чёрной одежде нагнулся, взял купюру, вдохнул ещё свежий запах крови, оставшийся после смерти старика, поднял голову в небо и, улыбаясь во весь рот, прошептал:

– Если бы не ты, этот старик сейчас бы жил. У меня всегда будет, чем ответить тебе в этом мире, потому что мои правила и ценности ему ближе. До новых встреч, старый друг.

13. Про кроссовки и людей из стали

Часть 1

Умение быть собой в любых обстоятельствах – это сила, овладеть которой может далеко не каждый.

(Основано на реальных событиях с элементами художественного вымысла.)

– Папа, они же ненастоящие. Меня в школе забуллют¹, если я в таких кроссовках приду.

Отец с интересом взглянул на сына. Тринадцать лет – очень тонкий возраст. Грань между детством и юношеством ещё не до конца пройдена. Разговаривать как с ребёнком уже точно не получится, однако и принимать с полной ответственностью взрослые аргументы мозг ещё не готов... Сын сидел на диване с приставкой.

– Почему тебя должны зачморить за вещь, которую ты носишь?

– Потому что она ненастоящая. Если надеваешь брендовку, то она должна быть настоящей, а не подделкой. Если я надену подделку и об этом узнают, а меня обязательно по-

¹ Зачморят.

просят подтвердить, что это реальная вещь, то я окажусь на дне рейтинга.

– Какого ещё рейтинга?

– Крутых чуваков школы.

– Звучит как какой-то бред. Рейтинг популизма? Я всю жизнь учил тебя иметь свою точку зрения, отстаивать свои убеждения и принципы. А что в итоге? Ты идёшь на поводу у кучки оболтусов, возомнивших о себе бог знает что. Где твой характер?

– Пап, это сложно объяснить. Есть свои правила. Не будешь жить по ним – тебя сразу сделают изгоем.

– Сынок, дед всегда говорил: лучше быть последним среди львов, чем первым среди шакалов. Ты хочешь быть популярным среди горстки отщепенцев, поклоняющихся брендам? А где индивидуальность? Толпа никогда не была сама по себе. Ею управляет лидер. Докажи этому лидеру, что ты выше этих дурацких правил. И шакалы разбегутся.

– Ты меня не слышишь. Я не могу и не хочу никому ничего доказывать. Пусть живут как живут. Но подделку я не надену. Меня просто побьют.

– Драки в школе – обычное дело. Я сам дрался: один на один и с толпой. Особенно когда менял школу за школой. Главное – научиться давать сдачу.

– Пап, я ботаник. Я не умею драться. Не хочу драться.

Сын отложил джойстик и скрестил руки на груди. Пришлось сделать шаг навстречу. Это пока он маленький, пой-

мать и обнять – счастье и тебе, и ему. Время объятий осталось в прошлом, и теперь всё по-другому. Обнять тринадцатилетнего сына – проблема. Действие, вызывающее неловкость и ощущение какой-то ненужности среди взрослых людей. Поэтому просто положил руку на плечо и сказал:

– Чтобы побеждать в драке, не нужно уметь драться. Я люблю и уважаю твой пацифистский мир. Но иногда нужно уметь постоять за себя. За свои убеждения, веру и правду. И если всегда подставлять одну щеку за другой своим врагам, то можно потерять себя. Просто научись быть опасным в нужный момент. Этого вполне достаточно, чтобы прекратить любую драку. Запомни: нужно быть непредсказуемым и опасным.

Крыса опасна, когда загнана в угол. Если ты будешь бить без правил и вести себя как крыса в углу, то все от тебя быстро отстанут. Они дерутся, потому что уверены в своём превосходстве. Выключи из игры самого наглого и дерзкого, пусти ему кровь, и в их сплочённости всё разрушится.

– Тебе легко говорить. А я видел, как мальчишку заплели в унитаз головой опустили только за то, что фотки зафотошопил, будто с девчонкой на Мальдивах отдыхал.

– Мальчишка твоего возраста с девчоночкой на Мальдивах? Нескромный парень.

Отец не видел в рассказах сына чего-то сверхсерьёзного или опасного. Все школы одинаковы, и все возрасты прошли этот этап взросления. Ему не приходило в голову, что то, что

было раньше, давно изменилось с появлением интернета. Он не понимал, что драка может не быть дракой одного с десятью, а может стать избиением и унижением, обсуждаемым школой, двором, где живёшь, районом и даже городом в особо резонансном случае.

Поэтому слова о драке пропустил мимо ушей, сосредоточившись на важном, как ему казалось, психологическом аспекте противостояния личности своего сына примитивизму толпы школьных оболтусов.

Немного подумав, он молча кивнул своим мыслям:

– Хорошо. Ты не хочешь быть львом. Хочешь быть первым среди шакалов. Отлично. Если ты меня убедишь, почему тебе нужны оригинальные кроссовки, то мы их купим.

Сын с недоверием посмотрел на отца.

– За пятьдесят тысяч?

– Да. Хоть за сто.

Тут он, конечно, лукавил, поскольку в голове уже убедил себя, что никаких аргументов сын привести не сможет. Но ему было интересно послушать рассуждения в защиту его убеждений.

Мальчишка вдохнул грудью воздух, сразу начав выдавать одну фразу быстрее другой, будто боясь, что забудет более важную, отчего получилась полная неразбериха:

– Потому что в них я буду крутой. Ко мне будут тянуться. Это авторитет в школе. Это модная фишка. Это прикольно. Я буду всем нравиться, и вообще это просто суперски круто.

– Неубедительно. Круто и прикольно – это не аргумент. Если бы ты сказал, что принципиально не пойдёшь в подделке, так как считаешь, что достоин ходить либо в топовых вещах, либо в никому не известных обычных, то я бы понял. Если бы ты сказал, что тебе наплевать на мнение других, что ты не хочешь сам, так как это против твоих убеждений и оценки себя как личности, то я бы понял.

– Но я это и имел в виду.

– Нет. Ты просто подыгрываешь моим словам. Ты играешь в футбол. В каких бутсах ты бегаешь?

– В обычных.

– Но хочешь такие, как у Роналду?

– Все их хотят.

– Потому что в них играет Роналду или потому что ты будешь играть как Роналду, если наденешь их?

– Конечно, я не буду играть как Роналду. Но в них всё другое. Качество, надёжность.

– Сын, а почему ты думаешь, Роналду побеждает? Потому что бегают в этих бутсах? Может быть, всё дело в трусах? Может, просто у него удобные трусы, нигде не жмут, вот он и носится, как волшебник, по полю?

Сын заулыбался.

– Да нет же. Всё дело в бутсах.

– Нет. Всё дело в человеке. Не важно, в каких он будет играть бутсах. Хоть в ботинках. Он профессионал. Не ботинки делают человека. Не они придают вес его имени, а он своим

именем и голыми пятками поднимает их цену. Так же и трусы, и твои кроссовки.

Ребята в вашей школе бегут за именем, думая, что оно поднимет их авторитет. Это психология толпы. Будь выше неё. Всегда имей свой взгляд на вещи. Если у тебя есть возможность сейчас надеть эти кроссовки, то иди и не смей никому ничего доказывать. И никто не смеет с тебя спрашивать доказательство брендованности этих кроссовок.

Просто потому, что тебе никому ничего не нужно доказывать. Будь собой. Пусть их рейтинг будет не для тебя. Пусть твоё имя там никогда не появится. Я буду гордиться тобой. Ты будешь во главе моего рейтинга.

Деньги, стоящие за брендом, – это показатель возможностей. Люди, спокойно покупающие дорогие брендовые вещи, приобретают их, потому что они для них – просто вещи. Люди, покупающие их не как вещи, а как статус, прибавку к рейтингу и авторитету человека, являются тенью этих брендов. Они пустышки. А я не хочу, чтобы мой сын был пустышкой. Стремиться казаться тем, кто ты не есть на самом деле, – это дно развития человеческой личности.

– Но зачем мне тогда вообще нужны эти ненастоящие кроссовки? Разве не лучше купить обычные и не выделяться?

– Может быть, и лучше. Но это же подарок твоего дяди. Дарёному коню в зубы не смотрят. Я думаю, что если человек покупает подделку, то он, как и тот, кто покупает вещи

ради имени, живёт не своей жизнью, а образами и мнением других людей. Но он купил наверняка не потому, что это подделка. Вряд ли он в курсе всех событий молодёжных движений. Наверняка, он купил их, потому что они ему понравились, и он был уверен, что они понравятся тебе. Только поэтому я уверен, они заслуживают того, чтобы их надеть.

Помни про Стива Джобса и Марка Цукерберга. Они изменили корпоративный стиль одежды, и теперь люди в банках носят джинсы и футболки. Тебе всего тринадцать лет, а ты уже задумался об авторитете своей жизни в школе. Если ты не хочешь надевать эти кроссовки, я смогу объяснить твоему дяде, почему нет. Но если не смотреть на бренд, то посмотри на них как на обычную обувь, подаренную моим братом. Разве подарок не достоин того, чтобы его носили?

Глаза мальчишки все ещё смотрели с отрицанием. Но нахмурившиеся брови и упрямая складка на подбородке разгладились.

Кроссовки реально выглядели очень крутыми и, если не принимать во внимание их небольшой изъян, были наверняка самыми модными среди тех, что носили все его сверстники в школе. Соблазн ощутить лавры тщеславия взволновал его душу.

Большинство слов отца он пропустил мимо ушей, но часть в нём осталась. Он запомнил про труссы Роналду, про то, что ничего никому не нужно доказывать, и любимую поговорку деда про льва, которую раньше никогда не понимал.

– Ладно, пап. Я их надену.

Капитуляция была неявной, но, очевидно, внутри сына всё же произошёл какой-то перелом.

На следующее утро он шёл в школу в новых кроссовках и чувствовал себя на миллион долларов. Ему самому нравилось, как он выглядит. Чтобы отец ни говорил, но одежда точно красит человека, и он чувствовал себя красавчиком в фирменных кроссовках.

Поднимаясь по лестнице в школу, он видел, как на него обратили внимание девчонки из соседнего класса, как посмотрели на его ноги и что-то сразу обсудили.

В этот момент он не думал о том, что кто-то может его засмеять или зачморить за то, что носит подделку. Это был момент триумфа. Маленького счастья, распиравшего грудь тринадцатилетнего мальчишки оттого, что он не такой, как все.

Когда он вошёл в класс, то первая парта присвистнула. После чего началось обсуждение «почём», «где прицепил» и «не подделка ли это».

Он успешно отшутился на все вопросы. Но чем настойчивее звучал вопрос о том, «натура» это или нет, тем потливее становились его ладони. Испарина покрыла спину, а улыбка уже не выглядела триумфальной и непринуждённой. Прозвенел звонок, и он с облегчением уселся за парту.

Сосредоточиться на литературе не получалось, хотя это был его любимый предмет.

Учитель ходил вдоль доски, рассказывая о глубине мысли автора, когда ему на парту кто-то бросил записку. Развернув, он прочитала: «Ты бы хоть букву фломастером нарисовал, в такой дешёвке сидишь».

«Всё-таки разглядели. Ну и ладно».

Но после звонка, оповестившего об окончании урока, весь класс сразу приступил к обсуждению его обуви. Ошибка в надписи бренда превратилась в шутку, которую соединили с его фамилией, а потом превратили в его прозвище. Наконец самый старший в классе подошёл к нему и сказал:

– После школы пообщаться надо будет. Залёт у тебя, пацанчик.

Он знал, что этим всё закончится. Уверенный голос отца, убеждённость в своих словах и правильности своего выбора остались за бортом этого мгновения. Дрожащие коленки были верным признаком, что из школы он так просто не уйдёт. Но внутренняя борьба нашла в себе сил ответить:

– Пообщаемся, если время будет. С тобой, что ли, говорить? Говори сейчас, если есть что сказать!

Впервые прорезавшаяся дерзость удивила и его самого, и того, к кому она была обращена.

– Ты чего, ботан? Смелость в туалете вдохнул?

После чего схватил его за рубашку, вытягивая из-за парты.

Уперевшись в её край, он не нашёл в себе сил дать сдачи и открыто вступить в драку. Но и не реагировать на агрессию,

за которой наблюдал весь класс, тоже не мог. Поэтому резко поднялся, отталкивая обидчика от себя.

– Пусти меня, урод.

Тот не удержал равновесие и от неожиданности повалился спиной на заднюю парту. В классе все дружно начали поддакивать, чтобы началась полноценная потасовка. Достали сотовые, начали снимать.

Два тела скрутились и упали на пол, но в этот момент кто-то крикнул: «Завуч идёт!» И едва начавшаяся драка была вынуждена прекратить своё дальнейшее развитие.

– Хана тебе, ботан. После школы за всё ответишь.

– Посмотрим!

Голос не дрожал, но дыхание от борьбы было сбитым, а голос – сильным.

Спустя два часа он стоял перед дверями школы. Там его ждали. Он это знал. Ему уже сказали. Было страшно. Хотелось куда-нибудь спрятаться, позвонить отцу, чтобы встретил. Мыслей было много, но все их прогоняло упорство. Не понятно, откуда оно взялось. Или может это было упрямство. Все наставления своего отца он забыл, включая те остаточные, что сначала помнил. Все, кроме одного. Оно и дало топливо его упрямству. «Я сам по себе. Я смогу. Я прав. Драться – значит драться. Я хожу в том, что мне нравится. Это мой подарок. И я никому ничего не должен».

С такими мыслями он открыл дверь школы и вышел на улицу.

Часть 2

«Моя хата с краю» – девиз людей, которые никогда не будут впереди, оставляя своим глазам только спины впереди идущих.

Старик с упоением вдыхал майские ароматы, скопившиеся в распутившейся листве ранней весны. Прогуливаясь среди сквериков советских пятиэтажек, Пётр Алексеевич никуда не спешил. Его возраст скоро должен был зачеркнуть восьмёрки в десятках и открыть дорогу к финальной сотне. Он любил жизнь, спорт, рыбалку и очень хотел отметить столетие, участвуя в лёгком полумарафоне.

В данный же момент он мечтательно закрывал глаза, наслаждаясь прогулкой, запахами травы, черёмухи и сирени, опираясь на трость: ногу вывихнул на последней тренировке – споткнулся о корягу.

«Старик совсем стал», – подумал тогда про себя.

В голове приятно играла песня любимого фильма «Офицеры»: «От героев былых времён, не осталось порой имён...»

Пётр Алексеевич готовился встретить 9 мая, которое должно было наступить через день, но уже сегодня он шёл по улицам в своём выдавшем виды костюме, сплошь увешанном орденами и медалями.

Война обняла его своими крепкими объятиями разлучни-

цы, оторвав от семьи, братьев и сестёр, которых фрицы заживо сожгли в 1943-м за пособничество партизанам. Ему было тринадцать лет. Уже в четырнадцать он вошёл в состав диверсионной группы, вымещая всю свою злость и ненависть в поджогах, взрывах и убийствах врага.

Мсть прошла, мирное время залечило раны, превратив его волевой характер в человека и гражданина, который никогда не унывал, на все перемены смотрел с воодушевлением и принципиально не жаловался.

Его супруга, бабушка Лидия Александровна, хоть и была на четыре года моложе, прожила с ним шестьдесят три года и последнее время немного сдала, предпочитая всё больше времени проводить дома. Как сегодня, например, готовила пироги, ожидая правнуков и детей.

Дорога ветерана пролегла по родным местам, где он прожил уже пятьдесят лет, зная каждый куст, скамейку и всех жителей своего возраста и чуть моложе. Время было ближе к шести часам вечера, он вошёл на территорию школы, чей забор был давно сломан, открыл дорогу тропке для сокращения пути через её территорию.

«Ещё десять минут прогулки и домой». Резкий смех привлёк его внимание. В стороне, возле забора, виднелись школьники. Человек восемь, скрытые кустами, что-то весело обсуждали и смеялись. В руках у всех были сотовые телефоны.

«Вот чудные дети, даже смеются с телефонами уже, скоро

спать с ними будут», – мелькнула у него крамольная мысль. Усмехнувшись пошлости мысли, он продолжил свой путь.

Но тут из кустов, где шумели школьники, выскочил паренёк: из носа у него шла кровь, рубашка была разорвана. Он споткнулся и упал, а на спину ему тут же навалились ещё двое, а третий с разбега ударил в живот. Парень скрутился от боли.

Следом выскочили другие, продолжая держать перед собой телефоны, весело обсуждая происходящее. Только тут Пётр Алексеевич разглядел, что это скорее частично были школьники, а частично ребята и повзрослее. По его прикидкам, от тринадцати до восемнадцати лет, судя по лицам и телосложению. Всего десять человек. Три избивают, а семь снимают на телефоны и смеются.

Его не было хорошо видно за молодым кустарником, поэтому избиение продолжалось как ни в чём не бывало. Наверняка, если бы его заметили, всё изменилось. Какое-то время он размышлял, как поступить. Драка мальчишек – это обычное дело. Он сам участвовал в таких хороводах ещё мальцом. До войны. И синяков получал от старших ребят дай бог каких. В этот драке было избиение. Одного травили толпой.

Шанс изменить ситуацию своим вмешательством был, но небольшой, поскольку заправщики ещё не насытились кровью, судя по активности обсуждения происходящего. Он отодвинул кусты и посмотрел внимательнее. Парень на зем-

ле сжался, прикрыв голову руками. Его не пинали, а только толкали и, кажется, плевали в него. Но как только он приподнимался, двое сразу бросались ему на спину, парализуя попытки сопротивления и побега дружным хохотом и новым ударом.

Прошло секунд тридцать, в течение которых Пётр Алексеевич принимал решение. Единственное, чему он научился хорошо за свою жизнь, – это отличать добро от зла. Драка для него не всегда была злом, и, возможно, тот, кого били, был последним негодяем, которого современные тимуровцы ставили на путь истинный.

Именно поэтому он не вмешался с первой секунды.

Его компас не показал чётко, где добро, а где зло. Тем не менее оставить их и пойти своей дорогой у него даже не возникло мысли.

– А если я тебе так пну по уху, тебе будет смешно?

Олег автоматически повернул камеру в сторону звука, увидев выходящего из кустов пенсионера. Обе груди у него были в орденах.

Ветеран, старикан, хотя и опирался на трость, шёл бодренько.

– Дедуля, ты чего, войной ошибся? – спросил Аркашка, одноклассник Олега.

– Да, дед. Вали отсюда. Мы хулигана жизни учим, – вторил ему Лёха.

Тот был на два года старше, откосил от армии и неглас-

но был заводилой их компании. Все засмеялись его издёвке. Кроме деда, что смотрел сурово, нисколько не оценив шутку.

– Так ежели он хулиган, а тебе есть чему его научить, что же ты один на один ему урок жизни не показываешь? Что же вы, как стервятники, его втроём клюёте? Кишка тонка?

Ромка, свернувшийся на земле, с появлением ветерана зашевелился. Приподнял голову и решил, что внезапное появление ветерана – прекрасная возможность вырваться из лап своих обидчиков. Сжавшись в пружину, он резко оттолкнул ближайшего соперника и рванулся в сторону деда, посчитав, что тот выступит некоей преградой и помешает преследованию. Нужно было вырваться к людям. Иначе они его прикончат.

Олег вовремя отвёл взгляд от деда, заметив, что их жертва собралась податься вперёд.

– Держи его!

Но крик несколько запоздал, и парень почти вырвался из круга. Витька схватил его мускулистой рукой за край рубашки, и она с треском окончательно разорвалась, остановив поступательное движение беглеца. Все снова оживились, получив возможность поглумиться над дерзким побегом.

Про деда все тут же забыли, так как Борис испытал на себе удар в пах от попытки побега, что привело других участников в ярость и восторг одновременно. Олег вдруг сам ощутил, что эта гнида слишком дерзнула. Адреналин и зрелищность, мысли о куче просмотров и лайков дёрнули его впе-

рѣд, и он со всего размаха ударил Ромку ногой в ухо. Тот отлетел на полтора метра от удара и закричал.

– Дай ему, Олежа! Пусть, сука, покушает зубы с кровью за свою наглость!

Наглость Ромки была сверхдопустимой. Он пришёл в школу в новых кроссовках. Balenciaga. Именно так, а не Balenciaga.

И всех уверял, что это фирменная вещь за восемьдесят тысяч рублей. Ему его дядя, крутой бизнесмен, подарил их на тринадцатилетие. Хотя на самом деле так Олегу эту историю преподнесли другие. Сам Ромка ещё наглее себя повёл, сказав, что ни перед кем не собирается отчитываться за то, что носит, по какой цене и какого бренда. Мол, его дело. Верх наглости.

За это его и приговорили к штрафу в десять тысяч, а также избивению с онлайн-трансляцией. Не по-пацански он решил себя приподнять, а других опустить. Шарик круглый. К нему же и вернулась его движуха. Избиение шло вялотекуще, так как Ромка был не боец, и бить его злости не хватало, зато, когда он чуть рыпался, азарт просыпался, и тогда шоу набирало обороты и просмотры в Сети.

Когда Ромка заскулил на земле, все дружно заорали:

– Давай, сучка, скули!

– Нет, хрюкни, и мы пощадим свиноматку!

– Жду, когда обоссется в свои фирменные кросы, чтобы ему на голову надеть!

Хохот вторил коллективному пиршеству молодых хищников. Рука Петра Алексеевича сжала трость, на которую он опирался. На него никто не смотрел. Как если бы он так и стоял за кустами. Для них его не существовало.

Жгучая боль, вспышка и темнота зафиксировали последнее воспоминание Олега в тот момент, когда его ещё здоровый нос ощутил на себе тяжесть удара тростью.

Военное прошлое Петра Алексеевича осталось в прошлом. Он не был быстр и силен, его тело забыло приёмы, которым его научила война, чтобы максимально быстро убивать. Да и убивать он, собственно, не собирался. Но его характер уже однозначно ориентировался на компас добра и зла, и когда стрелка указала, где зло, руки взялись за трость, как когда-то в детстве играли в лапту, и со всего размаха ударили, резко двинувшись в самый центр драки.

Олег даже не успел закричать. Он лишь замычал, заливаясь кровью, корчась от боли и слёз, брызнувших произвольно из глаз.

Секундная пауза овладела хищниками, когда один из них свалился рядом с жертвой. Сумасшедший дед резко развернулся и словно молоток вогнал ручку своей трости в ухо Ле-хи. Громкий крик и вой ещё более усилили оцепенение.

В этот момент самый младший среди стервятников с диким лицом указал на деда и сказал:

– Ребята, валите его, столько просмотров будет – отпад полный.

Всем словно была нужна команда. Не важно, кого. Главное, что она была, и она дала цель, за которой стоял результат. Двое резко бросились старику в пояс, уворачиваясь от трости. Уронив его на землю, начали бить руками по лицу. Подбежали ещё двое, поддерживав своих друзей ногами.

Пётр Алексеевич почувствовал, как кровь течёт по его лицу. Болевой шок превратился в один большой ушиб, звенящий в ушах и раздирающий старческую кожу гематомами, не совместимыми с жизнью.

Никто не заметил, откуда появился Ромка. Забитая жертва с кровавым носом и распухшим ухом без рубашки. Он ворвался в толпу с кирпичом в руке, с силой опустив его на голову парня, сидящего на грудных наградах ветерана. Тот без единого звука упал на землю. Яростный крик Ромки, бешеные глаза и брызжущую слюну зафиксировали оставшиеся снимать камеры:

– Вы что делаете, твари! Вы же его убьёте, суки! Он что вам сделал, а?

Рёв Ромки с кровавым лицом прошёлся обжигающим смерчем по лицам участников драки. А когда тот схватил трость ветерана и бросился на ближайшего, целясь в шею и голову, все дружно шарахнулись в разные стороны. Ромка стоял и плакал. Повернувшись к Петру Алексеевичу, он сел на колени и забормотал:

– Дедушка, ты не умирай, отец. Пожалуйста. Ты же войну прошёл, не умирай. Спасибо тебе, отец, держись. Что вы

смотрите, суки! Скорую срочно вызывайте!

Его руки обнимали голову ветерана. Дрожащими руками он гладил редкие, окровавленные волосы и шептал ему в ухо:

– Не умирай, дедушка. Ты же войну прошёл. Не умирай.

Для Ромки он в секунду стал самым близким человеком на свете. Волна доброты, благодарности, жалости и отчаяния заливала его лицо слезами, которые падали на лицо ветерана.

Пётр Алексеевич не чувствовал Ромкиных рук и слёз. Отбитое лицо, боль и кровь сделали его невосприимчивым к таким ощущениям. Приоткрытый глаз смотрел на Ромку, дыхание с трудом пробивалось в отбитые лёгкие.

«Смерть. Вот ты, оказывается, какая. Достойная смерть. Бабку мою жаль. Как же она без меня? Родных встречу. Мама». Картинки стали сбиваться в хаотичный хоровод, только мелодия продолжала играть в голове. «От героев былых времён не осталось порой имён, те, кто принял трудный бой, стали просто землёй, травой...»

Словно нитка с иглой, протыкая фрагменты воспоминаний, песня звучала в голове героя войны победным гимном прожитой жизни. Воспоминаний становилось всё больше, они ускоряли свой фрагментарный бег.

Человек из стали вдохнул последний раз и обмяк на руках мальчишки, чью жизнь он пошёл защищать. Спасать, потому что так его учили в детстве, в семье, в жизни, на работе, уметь различать добро и зло и защищать первое от второго,

чтобы мир был лучше.

P.S.

Всем, кто защищает добро от зла, посвящается.

14. Соблазн в конце пути, или Рассказ о том, как новая жизнь почти вытеснила старую

Часть 1

Когда хочется всё бросить и остановиться, когда нет сил, чтобы бороться за своё будущее, и особенно когда прошлое услужливо манит привычным уютом старых привычек, сдайся. Отдай себя в плен. Соглашайся на все варианты. Но лишь на короткое время. И ты увидишь, как всё изменится. Потому что именно в этот момент ты у цели. И нужно сделать последний шаг, на который нет сил. И ничего плохого, что ты встанешь. Нужно просто снять это сопротивление внешнего мира твоему желанию.

И когда он удивится твоему смирению и неожиданной послушности и перестанет давить, обрадованный своей победой, тогда спокойно говори себе: «Остановка закончилась, пора снова в путь».

P.S.

Именно тогда появится человек из ниоткуда и скажет, поддержит или просто поможет твоему движению вперёд.

А если и не появится, то помни, что мир уже провалился тебе за спину, увлекаемый своим

собственным весом, и впереди цель, которую ты достиг.

(Основано на реальных событиях с элементами художественного вымысла.)

Руки привычными движениями направляли наждачную бумагу, полируя дерево, в то время как мысли скакали совершенно в другом направлении. Мысли были далеко. Они считали чужие деньги в чужой квартире: миллионы, десятки миллионов рублей. Деньги, деньги, много денег.

Сосредоточив взгляд на поверхности, Борис вернулся в реальность.

С воодушевлением посмотрел на результат своего труда. Столик из дерева получился добротный и стильный. Модное направление лофт. В меру обшарпанный, с искусственной состаренностью дерева. Такой уже можно презентовать на продажу.

Вытерев пот со лба, он пошёл в душ. Под струями воды расслабил мышцы и некоторое время наслаждался, меняя горячую воду на холодную и наоборот.

Воодушевление от сделанного вернуло в него жизнь и оптимизм. Он своими руками сделал то, что стоило, по его прикидкам, не менее пятидесяти тысяч рублей.

Он верил, что с его страстью к работе руками всё получится, и он наконец-то начнёт приносить в семью деньги. Они были нужны как никогда после рождения пятого ребёнка.

Последние четыре года он безуспешно пытался найти своё применение в законопослушной деятельности. Но получалось не очень.

Раньше Борис был профессиональным домушником. Крал у бедных и богатых, живя лёгкой жизнью шальных денег. Но почему-то, деньги у него никогда не задерживались. Как приходили, так и уходили. Последнее дело четырёхлетней давности всё изменило.

Он единственный избежал наказания. Всех остальных посадили. С того момента он решил завязать и начать новую жизнь.

Кем он только ни поработал за это время – всё без толку. Денег не прибавлялось, и всё тянула его жена, подрабатывавшая на трёх работах бухгалтером. Её всё устраивало, главное, он рядом и с семьёй. Но он чувствовал себя обузой. Его талант, позволявший по фото сделать ключ и легко справиться практически с любым замком, не находил своего применения в обычной жизни. Даже мастером по вскрытию замков не получилось стать – так оказался заполнен этот рынок. Нужно было себя продавать, а он этого не умел.

Он был мастер на все руки, а точнее, на все отмычки. В той жизни. В этой не получалось применить свой талант целых четыре года. И вот наконец почва под ногами. Работа по дереву дала ему ощущение, что это его.

Сначала он решил, что пойдёт займёт денег, купит инструмент и запустит чуть ли не конвейер по производству тум-

бочек, зеркал, столов и других предметов, что своими ценами манили и рисовали сладкие перспективы. Но занять денег оказалось не так просто. Их вообще никто не дал.

Последний человек, к кому он обратился, сказал просто: «Чтобы начать свой бизнес, деньги не нужны. Самообман на потеху страху.

Занять чужие деньги или думать, что на открытие бизнеса нужны деньги, – это главная причина, по которой люди не хотят заниматься бизнесом. Говорят: "Нет денег для старта". Нужно, чтобы кто-то дал. При этом свои не накопили, но верят, что на чужих всё получится. Это ерунда.

Есть голова и руки. Тем более работа с деревяшками. Потрать чуть больше времени и сделай всё без покупки инструмента. В аренду возьми. В общем, своими силами начни, сделай, покажи, а потом приходи и проси инвестиции».

Сначала его эти слова разозлили, но потом он решил, что в них есть зерно правды. И потихоньку дело пошло.

Но в семье катастрофически не хватало денег. И казалось, что чем он ближе к цели по развитию и продаже этих деревяшек, тем больше росла потребность в деньгах.

Какая-то проклятая взаимозависимость. Когда-то его жена прошла этот путь с кредитами. Набрала сверх меры и только хотела рассчитаться, сразу звонок с новым предложением.

«А как не взять?» – объясняла она потом. Всё время вкалываешь как проклятый, чтобы расплатиться с этими долга-

ми. Но нужно и семью кормить, и одеться. И машина разбилась. Поэтому отступала и снова брала. И это продолжалось до тех пор, пока она не стала банкротом.

Однако ситуация Бориса усугублялась ещё одним обстоятельством. Неделю назад к ним в гости зашёл его освободившийся подельник. Жена, конечно, была не рада его видеть, но они были хорошими друзьями, и не пригласить его в дом он не мог.

В перекуре он сообщил, что есть тема хату накрыть, где барыжные деньги хранятся. У одного генерала за откаты и крышевание банков, «...там полквартиры в наличных пачках». Дело верняковое. Не будет же генерал заявление подавать, что у него миллионы украли.

Когда ничего не получается и очень нужны деньги, то появление друга из прошлого с предложением легко заработать денег, особенно когда их нет, воспринимается как знак судьбы. Тем более с таким пустяковым делом. Внешне он не проявил заинтересованность, но в висках пульсировала одна и та же мысль: «Одно дело, один раз, и сумки с деньгами навсегда решают все проблемы».

Слова и сюжет как из голливудского фильма про вора на пенсии. И если бы это происходило не в его жизни, то он бы махнул рукой на этот заезженный сюжет, в котором в конце обязательно всё идёт не так, как планировалось.

Жена, когда услышала о его робком предложении рассмотреть такой вариант решения всех проблем, подняла

крик.

Слёзы, сопли, уговоры, проклятия, лишь бы он не посмел рисковать. Ничего не оставалось, кроме как отступить и сказать: «Хорошо, тема закрыта».

Однако мысли никуда не делись. И чем больше он о них думал, тем символичнее и, вероятно, успешнее ему казалась реализация плана поделщика. В какой-то момент он даже поймал себя на мысли, что уже согласился.

Выключив душ, вытерся полотенцем, прошёл на кухню, где начал готовить яичницу. Помешивая склизкую жидкость, он мысленно трогал эти сумки. Вытаскивал упакованные пачки и приносил их жене. Представлял, как она плачет, а потом смеётся. «Будет смеяться, когда всё получится. Простит и поймёт. А он наконец-то принесёт пользу своей семье».

Потому что за эти годы он себя почти возненавидел. Свою непригодность к законопослушной жизни вне романтики. Он мог воровать и так приносить деньги. «Остановись, – включился внутренний страж. – Подумай о том, что ты потеряешь, если что-то пойдёт не так. Ты всю жизнь думал, что всё всегда будет получаться. Все твои поделщики мотают срок или вышли, отсидев не по году. Ты тоже хочешь целовать фотографии детей, сидя на нарах?»

Взгляд вернулся на сковородку с колбасой и яйцами. Он обожал своих детей. Всё готов был для них сделать. И отсутствие возможности это всё дать от себя, от своих рук вызы-

вало злость. Чувство никчёмности своей личности парализовало желание двигаться и развиваться. Но он не сдавался. Упорно шёл и верил, что всё получится. И вот свет в конце туннеля. Он впервые поверил, что на деревяшках можно выплыть. Наполнить паруса своей лодки попутным ветром и обрести уверенность в себе. Но как же были нужны деньги. Именно сейчас.

Или, может, он придумывает, что они очень нужны, чтобы использовать шанс подельника? Может, обманывает себя, ища повод, чтобы сделать шаг назад, туда, откуда так долго и упорно шёл к этому свету в конце бесконечной чёрной тьмы?

От думок разболелась голова. В этот момент на кухню вошёл дед Митяй. Отец его матери. Старый, высушенный, как сухофрукт, старик, с вечной сигаркой в зубах.

– Здорова, дед Митяй. Будешь яичницу?

– Здорова, Бориску.

Дед всю жизнь коверкал его имя на последнюю букву. Потому что имя ему не нравилось, и дочери он так и сказал, когда она сына назвала, что именовать его будет на свой манер. Так и случилось.

– Буду твою яичницу. Если ты её не сжёг. Ты чего такой смурной? Я уж минут пять как стою за тобой наблюдаю, а ты даже на слышал, как я пришёл.

– А, да нет. Просто мыслей много.

– Мысли – это зря. Шёл бы ты лучше в огороде поработал,

чего думать зря, яичницу портишь, бездельем занимаешься.

Борис повернулся и посмотрел на своего деда. «Прямо ведь под руку говорит. Всё с гуся вода. Совсем о своих словах не думает».

– Садись. Ешь.

Дед прошаркал к столу, отрезал ломоть хлеба.

– Давай не томи. Выкладывай как на духу, что стряслось. Уж родная кровь всегда чувствует, что наперекосьяк всё в душе у тебя. Аль думаешь, раз я старый, так и не вижу, что взорваться готов.

Борис нахмурился. Дед, несмотря на своё брюзжание, был старым и опытным волком. Возможно, рассказать ему о своих мысленных сомнениях было не самым плохим вариантом.

– У тебя бывало так, дед, что делаешь, делаешь что-то, а толку нет?словно весь мир против тебя. Как будто о стенку бьёшься, а прохода всё нет и нет. Я уже несколько лет в таком состоянии. И мне кажется, что сейчас появился шанс всё изменить. И одновременно с ним возник ещё более заманчивый шанс, и я разрываюсь. Не знаю, что делать. Сказав как на духу о своих терзаниях, он замолчал, прислушиваясь к себе и ожидая реакцию деда.

Тот поводил вилкой по тарелке, словно гадал на кофейной гуще.

– Дай угадаю. Один из шансов, тот, что более заманчивый, идёт наперекор тому, что первый? Так? Он кажется более лёгким, разумным и, наверное, более прибыльным?

– Ну, не совсем так. Но в целом да. Он одним выстрелом может решить все вопросы. Но в нём есть риск, существенный. Для семьи, для меня.

– И конечно, этот шанс появился именно сейчас. Когда в той стенке, о которую ты бился всё это время, вдруг появилась брешь.

– Да, как закон подлости. Ни раньше, ни позже.

Часть 2

– Я каждый день ждал, когда всё получится!

– Тогда почему не получилось?

– Наверное, я перестал ждать...

– Не думаю, что это закон подлости. Твоя история... Я не был в такой ситуации. Не стоял перед выбором между двумя шансами. Не был в условиях, когда делаешь, делаешь что-то, а толку нет. Но твоя история напомнила мне один случай. Он отличается от того, что ты рассказываешь. Однако же есть в нём одно общее.

Этот случай произошёл на войне. Вернее сказать, когда война уже закончилась.

Поступила информация, что в одном из районов, освобождённых от немцев, действует диверсионная команда. Тогда всюду шла зачистка районов от фрицев. И обычно отправляли отряд из тридцати–пятидесяти человек, в зависимости от количества замеченных немцев. Но в тот раз отпра-

вили разведгруппу перепроверить информацию.

Всё подтвердилось. Но немцев оказалось гораздо больше, чем ожидалось. В итоге разведгруппа сама попала в засаду, была вынуждена вступить в бой до прихода основных сил. В том бою выжил один командир.

Пока дед говорил, его голос становился всё более грустным и каким-то тяжёлым. Он так и не притронулся к яичнице, размазывая её по краям тарелки. Взгляд его стал стеклянным, уставившимся в тарелку, словно в экран телевизора.

– Что же общего у этой истории с моей? И какое отношение эта история имеет к тебе, если ты не воевал? Ну, или откуда ты про неё знаешь?

– Общее в ней одно. Выживший командир всю войну прошёл первым в бой. Имел множество наград за опасные операции. Прощёл всю войну и победил в каждом своём бою. Кроме того, последнего. Он всегда знал, за что воюет, и верил в этом. Знал, что победа будет за его страной. Верил, что вернётся домой и обнимет свою жену, что восстановит мирное небо над родной деревней.

С каждым словом вилка всё сильнее вдавливалась в тарелку, издавая раздражающий скрип.

– Этот командир так же, как и ты, пробивал стену, надеясь увидеть за ней победное небо. И вот он его увидел. И осталось только пролезть в это отверстие. Преодолеть этот разлом. И цель достигнута.

И война закончилась. И дома ждёт его семья. И тогда

впервые его посетили мысли о том, зачем нужен этот последний бой. Поселился страх в душе, что в конце лучше не рисковать.

Борис слушал старика и понимал, что дед говорит о себе. Но не понимал, как это возможно, так как все в семье знали, что дед не воевал. Никогда не ходил на парад. Не имел никаких наград.

– Дед, но... ты же не воевал.

Старик посмотрел на него исподлобья.

– Я не знаю, кто устроил этот мир и почему он так работает. Но тот бой я запомнил на всю жизнь.

Может, ты и прав. И это действительно закон подлости или иной противной человеческой натуре силы.

Этот закон я выучил и могу им с тобой поделиться. Когда долго к чему-то идёшь, вкладываешь, как ты, силы и душу в правое, верное и нужное дело, на финишной черте обязательно появляется судьба-злодейка, которая начинает предлагать другой путь.

Дорогу, которой ты никогда не шёл или с которой стремился сойти. И в этот момент эта дорога кажется самой лёгкой и, чёрт возьми, самой верной и правильной. Видится моментом истины, когда весь прошедший путь вдруг становится глупым, долгим, напрасным и бесполезным именно без прохождения этого последнего боя.

В том бою я смалодушничал. Позарился на её тридцать серебряников и сошёл с дороги, что потом и кровью шёл пять

лет. Стоило ли оно того?

Я вернулся живой и здоровый к вашей бабке. Родил дочь и сына. Вас вырастил. Наверное, оно того стоило. Четыре моих сослуживца домой не вернулись. Не родили и не воспитали детей, как это сделал я.

Может быть, если бы я пришёл на помощь, кто-нибудь из них вернулся бы живым из того боя, а может, и не вернулся бы. Может, и меня бы застрелили, и вы бы выросли с другим дедом. Не знаю, как бы было.

Тебе с уверенностью могу сказать, чего бы точно не было. Жёсткость и мрачная решимость на лице деда стянули сухую кожу на его черепе, превратив лицо в маску.

– Моего внутреннего гнилого червяка, который поселился в том бою где-то внутри моей души и пожирает меня эти семьдесят лет.

Один единственный бой, последний, который я проиграл, оставил этого паразита во мне на всю жизнь.

Возможно, я носил его всё это время, чтобы сейчас ты не подцепил такого же.

Чтобы взвесил своей головой, что ты можешь потерять, а что – обрести.

Идти вперёд, оставляя своё прошлое, тяжело. Нужно иметь много сил, чтобы вырваться из жизни, которая тебя окружала в прошлом, что ты так долго создавал, пока не решил всё изменить. Жизнь, в которую ты когда-то верил, тебя так просто не отпустит и не раз проверит твою решимость

не свернуть с выбранной дороги.

Считай, что сейчас та самая судьба-злодейка вышла к тебе, чтобы проверить, насколько твоё яблоко спелое и нельзя ли в него запустить своего червяка. Чтобы он потом пожирал тебя каждый день: чувством вины, обиды за сделанный выбор, досадой за то, что ничего нельзя изменить, и желанием, безумным желанием найти второй шанс, чтобы исправить, искупить эту проклятую ошибку прошлого.

Борис слушал деда и не понимал, что делать, не мог разобраться в себе. Он ещё больше запутался от его рассказа. Потому что в какой-то момент решил, что его жизнь навсегда связана с воровством. Он это умеет и этим всегда жил. И дорога работяги – это не его путь. Но дед акцентывал на противоположном выборе.

Старик, словно чувствуя его смятение, смягчил голос:

– Потому что в конце тяжелее всего. Особенно когда ты не знаешь, что финиш впереди, когда кажется, что просвета нет, но он, эта треклятая дыра в стене, всё же рядом, и ты уже чувствуешь её всем своим нутром.

В этот момент и наступает пик сомнений. Потому что приходится черпать силы только в себе, в своей вере. Но силы на исходе, а конца пути не видно, и хочется остановиться. Именно тогда приходит она. В этот момент мир присылает её, чтобы она придала сил и сказала: «Зачем тебе идти в этот бой, когда есть возможность все сделать гораздо проще?..»

Дед поднялся.

– Я сделал самую большую ошибку в своей жизни, послушав эту стерву. Я запретил в нашей семье говорить о том, что я воевал. Спрятал все свои награды в сундук и никогда за всё это время их не надевал. Я предал всё то, во что верил четыре года войны, испугавшись, что умру, когда надо мной от горизонта до горизонта раскинулось мирное небо. Подумай, Борис, стоит ли оно того.

После чего резким размашистым шагом вышел из кухни. Борис остался в полной тишине.

Дед прошёл в свою комнату, закрыв дверь на засов. Достал ключ, открыл замок, висевший на стоявшем в углу сундуке. С самого низу вытащил жестяную банку, откуда выложил на кровать медали и ордена.

В носу щипало, и отвыкшие от слёз глаза неожиданно поплыли туманом накатившей влаги. Он прошёлся пальцами по каждому ордену, вспоминая каждый свой бой, за что он получил ту или иную медаль.

Открыв внуку хранимый столь долгое время секрет, он вдруг почувствовал невероятное облегчение и, уже не сдерживая себя, зажав в кулаки все свои медали, он поднёс их к губам, целуя и шепча: «Простите меня, ребятки, простите родненькие».

Сухо и беззвучно он плакал, прижимая ордена к груди. Его исповедь вдруг дала надежду, что, возможно, сейчас, его внук всё сделает правильно. Что жертва прошлого окупится, и в новой жизни внук сделает выбор, ради которого тогда он

совершил ошибку в семьдесят лет молчания.

P.S.

Борис сидел возле кровати сына, держа руку на его голове. Тот тихо сопел, уже час как погружённый в сладкий сон. В свои десять лет он по-прежнему просил, чтобы отец был рядом, когда он засыпал. Именно отец, а не мать, чем очень подкупал самолюбие Бориса и поддерживал особую связь между ними.

«Я смогу, сынок. У меня всё получится. Я не подведу вас с мамой».

В этот момент пришло СМС. Борис достал телефон: «Да или нет?»

Переведя взгляд на лицо сына, он почувствовал, как тот сильнее сжал пальцы вокруг его ладони.

«В этот момент и возникает пик сомнений. И приходит она, и показывает дорогу».

Пальцы напечатали короткий ответ, он осторожно высвободил руку и вышел из комнаты.

15. Убийца, Смерть и кошка

Надоело дерьмо в жизни – обрати внимание на цветочки.

Убийца ожидал свою Жертву. Он напевал песню AC/DC Highway to Hell.

Смерть лениво потягивалась возле подъезда, подпевая словам песни, ожидая действий Убийцы. Жертва вышла из магазина и направилась к своему дому, находящемуся в квартале, или, проще говоря, в девяти минутах пешком от того места, где был магазин.

Смерть собиралась получить новую Жертву. Очень рассчитывала на Убийцу, хотя определённые сомнения были. Простой раз с кошками Убийца не довёл задуманное до конца. Сегодня его энергия пылала жаждой крови, и Смерть очень хотела, чтобы незапланированная гибель Жертвы стала для неё хорошим подарком.

Подарком, потому что по её графику человеку ещё предстояло жить лет двадцать. Следовательно, подарок.

Убийца ждал. Жертва всегда ходила в это время в магазин. Раб привычек. Всегда шла пешком, в руках два пакета с едой на неделю вперёд. Не понятно, зачем и почему Жертва так поступала, когда можно было спокойно доехать на машине. Эта нелогичность сыграет ему на руку. Пять минут.

Жертва шла и обливалась потом. Она никак не ожидала, что в сентябре будет так жарко, даже вечером. Тяжёлые пакеты в руках оттягивали пальцы, подмышки и спина промокли от пота. Грузный живот добавлял отдышку. Для Жертвы это была своего рода тренировка, волевой силовой жест. На спортзал времени не находилось. Но старая привычка делать что-то не как все и упорство привели его к мысли носить еду домой пешком. «Пятьсот метров, и дом. Эх, ну и жара... Эта отдышка меня когда-нибудь доконает». Сиплое дыхание заставило его остановиться передохнуть. Вот и дом.

«Странный тип, – подумала Жертва про стоящего на дороге человека. Одетый во все чёрное, с балаклавой на лице. – Типичный отморозок, такой нападёт, и ничего не успеешь сделать», – почему и отчего возникла мысль, Жертва не поняла.

Она не понимала, что синапсы её мозга и нейроны считали предстоящую угрозу, впитали в себя энергию опасности, исходящую от человека, стоявшего на пути к дому, заглянули в будущее, просканировали энергию ближайших предметов материального мира и выдали в сознании мысль: «Тревога».

Однако анализ и логика отфильтровали сигнал, погасив опасность, сведя к нулю вероятность нападения и какие-то негативные последствия. Вместо этого мысль снова вернулась к жаре и пакетам в руках. Поравнявшись с сомнительным типом, он подумал о подъёме на третий этаж. Подъезде, где нет лифта.

– Извините. У вас что-то упало.

Жертва вернулась мыслями от подъезда к словам незнакомца.

– Что? Упало? У меня? И начал поворачиваться в поиске потери.

В это мгновение Убийца сделал быстрый шаг в его сторону и ударил каким-то предметом в шею. Жертва дёрнулась вперёд, подчиняясь инерции, тяжесть тела увлекла её вперёд. Боль и вспышка: «Знал же, что-то не так».

Смерть устремилась к лежащему, но тот ещё дышал.

– Давай! Добей его. Он уже почти готов.

Внутренний голос объединился со словами Смерти в голове Убийцы.

«Рано, сначала я хочу слышать боль».

Он знал, что был психом. Или психопатом. Или социопатом. Психологи однозначно определили его опасность для общества после того случая с кошкой. Когда он стал «знаменитым» на весь двор. Тогда он впервые ощутил, как внутренняя боль находит дорогу наружу. Вместе с диким криком кошки, криком боли от отрубленного хвоста, его боль нашла выход в мир, и он получил удовольствие, которого раньше не знал. Мучение животного стало катализатором химических реакций, что освободили боль и привнесли в его внутренний мир спокойствие. Но в тот раз он не убил. Хотя именно этим и «прославился». «Мне нужна боль, а там посмотрим»

Смерть отпрянула от лежащего человека и зашипела:

– А вдруг он сбежит, вдруг не получится и кто-то помещает? Сейчас, здесь закончи начатое!

Убийца некоторое время смотрел на распростёртое тело, разбросанные пакеты. После чего потащил тело в припаркованную рядом машину. Из двора было два выезда, и только один просматривался камерой. Маршрут отхода был просчитан. Со сменой машины и транспортировкой до пыточной. Но сначала ещё два дела.

Жертва вытянула руку и пододвинула к себе инвалидное кресло. Неуклюжим движением рук она перенесла тело с кровати в инвалидное кресло. Впереди был утренний туалет, завтрак и ещё один день «игры» в инвалида. Бесконечные сериалы, робкие слова матери, незаметно превратившейся в бабушку, в виде мольбы взять себя в руки и попробовать жить. После пыток он превратился в беспомощного калеку.

Его тело исхудало, живот и второй подбородок исчезли, оставив в прошлом отдышку. Его желание похудеть. Как долго он об этом мечтал. «Своеобразно оно исполнилось», – подумала Жертва. Обычно худеют, когда много двигаешься. Он же не двигался совсем. Обе его ноги превратились в тонкие безжизненные культяпки. Перебравшись в ванну, Жертва закрыла глаза и в который раз погрузилась в воспоминания жизни до и после электродов на теле.

Жертва была прикована наручниками к железному стулу. Хотя смысла в наручниках она не видела. Ноги были переломаны по всей длине не по одному разу.

Тем не менее она не сдавалась. Желание жить ещё пульсировало в голове, пытаясь понять, как можно выбраться из этого ада. Жертва держалась на обезболивающих, не знала, сколько времени прошло с момента нападения и сколько продолжаются пытки.

Это всё страх. Жертва всегда боялась, что когда-нибудь эти наручники будет надевать не она, а на неё. Работа накладывает свой отпечаток. Пожарные боятся огня, полиция боится другой стороны. У каждого полицейского внутри сидит этот страх – посмотреть на тюрьму глазами заключённого. С кандалами на руках. В нём этот страх был особенно живуч. Слишком много и долго он боролся с преступностью, сажая в тюрьму насильников и убийц. И вот он стал Жертвой. Того, кого ещё не нашли, не задержали, не посадили.

В этот момент рядом раздался вопль. Крик боли ворвался в его сознание холодом, парализовав нервную систему выбросом адреналина и страха. «Господи боже, я здесь не один!»

Крик продолжался, чуть падая в тональности, переходил в стон, затем – в мычание.

«Где-то рядом этот маньяк режет на кусочки ещё одну Жертву. Нужно что-то придумать... Не сдавайся!»

Убийца смотрел в лицо Жертвы и чувствовал, как с её криком его внутреннее состояние наполняет спокойствие. Боль и ненависть оставляли его тело и мысли, наполняя удовлетворённостью за восстановление гармонии.

Смерть неистово металась по комнате:

– Давай же, добей его! Он визжит, как та кошка. Он мне нужен. Я поверила в тебя. Дай! Дай мне его жизнь!

Мысль о сходстве крика с кошкой вызвала улыбку на лице Убийцы. Воспоминания о высвободившейся боли наложились на ощущение, испытываемое в момент сейчас и здесь. «Всё правильно. Я всё делаю правильно. Мне хорошо».

Человек корчился от боли, ныл, стонал, заливался слезами и молил о пощаде:

– Нет (мычание)... Пожалуйста, нет... Отпусти (стон)... Пощади меня (всхлипывание)... Я тебя не знаю. Я ничего тебе не сделал...

И снова рёв.

– За что? А-а-а!

Воспоминание о боли и пройденном аде погрузили Жертву в дрёму. Ванна и тёплая вода углубили сон, разорванный звонком в дверь. Жертва была дома одна и не ожидала, что кто-то может её потревожить в выходной день. Поэтому осталась лежать в ванной, решив игнорировать нежданного гостя.

«Ты не стоишь того, чтобы ради тебя совершать этот длинный путь к двери. Никого нет дома».

Закрыв глаза, он снова погрузился в воспоминания. Они были ежедневным ритуалом, проводимым с того момента, как он вырвался из ада пыточной. Огромное, ни с чем не сравнимое желание получить шанс вернуть долг за свои му-

чения. Энергия этих воспоминаний была единственным, что питала его, поддерживало жизнь и придавало ей смысл.

И снова дзинь. Долгий, протяжный.

«Нет, по всей видимости, ко мне пришёл наглец. Так звонить может только либо знакомый, либо родственник».

Долго, протяжно и требовательно звонок сотрясал пустую квартиру, раздражая неудавшееся уединение Жертвы с самим собой. Наконец он не выдержал и решил открыть.

– Кто там?

– Это я, – раздался из-за двери знакомый голос, – Вам подарок.

Жертва открыла дверь. На пороге стоял Волонтёр, державший в руках какой-то свёрток.

– Вы заставили меня проделать долгий путь и прервать принятие ванны своим визитом и столь дерзким звонком. Что это?

Он понимал, что огрызается, и Волонтёр не заслужил такого отношения. Он был одним из немногих, кто искренне помогал и поддерживал его последнее время.

Волонтёр протянул свёрток.

– От лица наших сотрудников Вам презент. Чтобы жизнь была чуть интереснее и...

Неожиданно он осадил себя за сказанную глупость. Замялся.

– В общем, пользуйтесь. Это от души.

Затем развернулся и пошёл вниз по лестнице.

Жертва закрыла дверь. Повертев свёрток, она отправилась на кухню, чтобы взять нож. Мысли о Волонтёре и грубости вызвали досаду на своё поведение. Человек принёс подарок, а он с ним так грубо. Время в выходной потратил, чтобы прийти.

Вскрыв упаковку, Жертва обнаружила внутри планшет с прикреплённой запиской:

«Не болейте, выздоравливайте, жизнь продолжается. Мир полон чудес и открытий, к которым, надеемся, вы сможете прикоснуться, используя этот девайс.

P.S. Мечты живут и сбываются, даже если не имеешь представления, когда, где и как. Пароль 3465».

Жертва не поняла, зачем ей планшет, но была очень тронута словами записки. Люди, чужие, посторонние люди проявляли доброту и заботу о совершенно ненужном и бесполезном для общества человеке, от которого отвернулось государство, ушли в тень друзья, а в жизни остались только телевизор и больная мать.

Введя пароль, Жертва обнаружила, что на экран выведено какое-то изображение. Проигрывался фильм, стоявший на паузе, внизу шло название: «Когда пустота заполнена, где найти смысл жизни?»

Нажав кнопку воспроизведения, Жертва поставила планшет на подставку и двинулась на кухню сделать бутерброд.

Убийца подошёл к двери. Прислушался к звукам внутри: никто и ничто не нарушало мёртвой тишины.

Вставил ключ в замок, вошёл внутрь.

Размытая тень мелькнула в полусумраке квартиры.

Жертва доставала из холодильника колбасу и молоко, когда раздался вопль. Чей-то крик, включавший в себя нечеловеческие мучения и боль. Некиношный. Настоящий. Жертва вздрогнула от неожиданности. Молоко в руке пролилось на беспомощную ногу. Что-то знакомое в голосе.

Убийца не обратил внимания на метнувшуюся тень или не заметил её. Прошёл в спальню. Отодвинул штору и выглянул на улицу. Осень золотила листья конца сентября. В солнечном свете они играли желтизной, поднимающей настроение и умиротворяющей своей красотой.

В этот момент чёрная кошка прижалась к его ноге, выгибая спину и мурлыча. Он нагнулся и поднял её на руки. Полусумрак развеялся возле окна, и солнечный свет открыл уродства животного. Без хвоста, с обожжённым боком и срезанными ушами. Убийца прижал кошку к лицу, поглаживая её по хребту:

– У меня получилось, Обрубыш. Как тогда с тобой. Всё получилось.

Жертва приближалась к планшету как загипнотизированная, глядя на обращённую к нему алюминиевую сторону девайса. Всё это время комнату наполнял чей-то крик. Вопль боли и бормотание:

«Нет, пожалуйста, нет... А-а-а!»

Дрожащей рукой Жертва развернула к себе планшет. Со-

знательно она не понимала, что вызвало столь нервное состояние. Но в глубине понимание было. Она знал этот крик. Знала эту боль.

В это мгновение на экране демонстрировалось изображение мужчины без лица. Перед камерой на полу лежал человек, над которым наклонился некто в чёрной одежде и вставлял электроды в открытые раны на ногах лежащего.

Жертва неимоверно кричала, выгибаясь дугой. В этот момент очередная конвульсия изогнула тело, и в камеру уставилось искажённое болью лицо.

Глаза Жертвы расширились:

– Не может быть.

И снова звонок в дверь. Он звенел долго. Требовательно и не терпящим отлагательств сигналом. Но Жертва не могла оторвать взгляд от экрана. Там одна картина пыток сменяла другую. Жертва не понимала, что происходит. Картинки на экране словно погрузили в туман её сознание. Нереальность происходящего, ужас, отвращение, и непонятно откуда появившаяся, абсолютно неуместная мысль: «У меня получилось. У меня получилось. Я знал. Я верил. Мечты сбываются».

В это мгновение дверь выломали, и в квартиру ворвались люди в форме. Они кричали и требовали что-то, но он не слышал. Его лицо, его мысли, его тело и разум были далеко вне комнаты...

Смерть смотрела на истекающую кровью, обожжённую

кошку в руках подростка. Он её гладил, теребя за обрезанным ухом, пытаясь успокоить и компенсировать её боль лаской и заботой. Рядом корчились четверо подростков. Смерть безуспешно пыталась забрать жизнь хотя бы одного из них. Открытые рваные раны, кровь и стоны, но жизнь не давала намёка, что здесь есть место для Смерти.

– Как ты мог! Ты же должен был их убить! Ты бы испытал несравненное удовольствие от их смерти. Они её заслужили. Они же почти убили эту кошку!

– Почти не считается. Они не убили. Они лишь пытали. Я восстановил справедливость. Они запомнят на всю жизнь.

Подросток продолжал гладить кошку.

– Обрубыш, ты в безопасности. Всё закончилось. Их зло освободило мою боль. Спасибо, что ты и твоя боль дали мне почувствовать это спокойствие и освобождение. Спасибо тебе.

P.S.

Жертва выкатилась из полицейского управления на своём инвалидном кресле. На улице её ждали репортёры, наперебой задающие одни и те же вопросы:

– Вы довольны? Как Вы себя чувствуете? Вам выдвинули обвинения? У Вас есть мысли, кто за Вас отомстил? Вы ещё будете требовать компенсацию от государства за причинённые увечья?

Его адвокат отвечал одну фразу:

– Без комментариев.

Пятнадцать лет он мечтал об этом моменте. Третью жизнь. Его допрашивали снова и снова, но не было никаких улик, позволявших задержать и поместить его в СИЗО.

Он не смог сказать, кто был этот Волонтёр, как его зовут и откуда он взялся. Что за организацию он на самом деле представлял.

Всё, что он знал, он сказал, но всё оказалось фикцией.

Не было организации «Жертвы пыток полиции», соответственно, от них не было никаких волонтёров. В доме не было ни одного отпечатка пальцев кроме его, матери и адвоката, что представлял его интересы в Европейском суде по правам человека. Никто не видел Волонтёра, целый год посещавшего его квартиру, с заботой и вниманием выслушивавшего рассказы о боли и страданиях, перенесённых им после того, как выпрыгнул из кабинета на четвёртом этаже, где его пытали, выбивая признание в убийстве.

Тридцать шесть раз закрывали дело против полицейских, участвовавших в его пытках. Никто не понёс наказание за его искалеченную жизнь. Государство упорно отрицало вину своих исполнителей, и только старушка Европа заняла его сторону, присудив существенную компенсацию, которую его страна отказывалась платить.

И вот конец истории. Три бывших полицейских, три его мучителя найдены в центре города с изуродованными конеч-

ностями. Все трое будут калеками до конца жизни. Все трое были похищены неизвестным в чёрной одежде, который пытал их тем же способом, что и они его.

Ничего удивительного, что он стал первым подозреваемым и заказчиком. Но никто не мог ничего доказать. Его мечта восстановить справедливость, отомстить своим мучителям исполнилась. Не его руками, не его делами. Но его желанием. Он ещё не до конца осознал, что ему это даёт и как относиться к такой карме. Он ещё не думал о том, чем наполнить свою жизнь, когда яма мести заполнилась и нужно искать новый смысл, чтобы вставать по утрам. Проходя мимо журналистов, он думал о силе мысли и своей мечте, которая сбылась, не важно, где, когда и как.

P.P.S.

Психолог просматривала обширную газетную статью о мести, справедливости, пытках и поиске некоего Волонтёра, подозреваемого в совершении преступлений. Она почувствовала, как что-то знакомое дёрнулось в голове. Воспоминания зацепились за слово справедливость. Боль и справедливость. Отложив статью, она прошла в архив. Там начала просматривать папки дел, которые когда-то прошли через её руки.

Заголовок одной из них так и звучал: «Боль успокоилась после восстановления справедливости». Написанная её ру-

кой фраза была итогом изучения дела подростка, чуть не убившего четверых сверстников за то, что пытали кошку. Редкая форма отклонения: крайне негативная реакция на любую форму несправедливых, по мнению мальчика, отношений между субъектами социума. Чужая боль вызывала в нём мучения, которые прекращались, лишь если справедливость восторжествовала.

Через пять минут она погрузилась в дело, оживляя в памяти его детали, а ещё через десять звонила в управление полиции:

– У меня есть информация, имеющая отношение к делу замученных полицейских. Мне кажется, я знаю, кого вы ищите и кто скрывается за фигурой Волонтёра.

Её внутренний голос ни на секунду не сомневался, что она всё делает правильно. Что человек, совершивший самосуд, должен быть найден и помещён в тюрьму за свои преступления. Его мотивы и восстановленная справедливость были вне рамок её оценок.

P.P.P.S.

Всем выжившим и прошедшим ад несправедливого обвинения посвящается.

16. Законы мира. Лена и принципы

Часть 1

Любая доброта умрёт, если не найдёт в мире взаимность.

Лена стояла перед дверью. Хотя так её можно было назвать с натяжкой. Сплошной монолитный чёрный кусок то ли железа, то ли какого-то материала без блеска. Ни камер, ни глазка, ни звонка. Нерешительность вызвала чувство дискомфорта. Ещё раз посмотрев по навигатору адрес, она поняла, что пришла правильно. Других входов и выходов у двухэтажного дома не было. Телефон с визитки не отвечал на звонки, хотя, когда она позвонила первый раз, трубку взяли со второго гудка и вежливо подсказали адрес.

«Странный сервис, дают адрес, а как войти – сама догадайся». От этой мысли к дискомфорту подключилось раздражение. Вместе они вытеснили интерес и ожидание встречи. Лена предвкушала продолжение беседы, начатой на лавочке, и была абсолютно не готова к такому негостеприимному приёму.

Отойдя на несколько шагов, посмотрела, нет ли открытых окон. Напрасная попытка. Постучала в чёрный материал. Он

проглотил звуки. Тишина в доме.

«Идиотизм какой-то!» Орать на всю улицу: «Ау, есть кто дома?» она точно не собиралась. Однако и отступить казалось таким же глупым жестом. Она ещё раз обошла дом. Вокруг не припарковано ни одной машины. Но на доме висит и название улицы, и номер дома.

«Это уже издевательство и пренебрежение!» – это в ней заговорило эго. Злость переключила передачу на шкалу «ярость». Она уже пятнадцать минут своего времени как дура ходит вокруг дома и не может в него просто войти – тут кто хочешь разозлится.

– Эй! Дом! Сим-сим откройся!

Ироничная издёвка стала вершиной её накипевших эмоций.

– Здравствуйте, Елена. Проходите. Вас ожидают. Чёрный материал ушёл в сторону, как только голос, прозвучавший из ниоткуда, закончил фразу. Ошарашенная таким поворотом Лена вошла в дом.

Её никто не встретил. Небольшой холл. Полный минимализм. Напротив входа во всю стену огромная картина, на которой змий искушает Еву, предлагая ей яблоко. «Копия Рубенса», – отметила она про себя.

А дальше только фотографии. Бесконечная галерея фото, на которых её собеседник с лавочки в окружении сильных мира сего. Из самых разных стран.

Фотографии сделали своё дело: она почувствовала, что

ей очень польстило, что человек, знакомый с таким количеством первых лиц разных государств, пригласил её к себе на приём.

– Пожалуйста, проходите прямо по коридору до конца. Дверь откроется автоматически. Вас ждут.

Голос раздавался со всех сторон.

Человек в чёрной одежде сидел за столом в кресле из красной кожи. Он внимательно смотрел на неё, не произнеся ни слова с момента, как она вошла в кабинет. Только молчаливо и вежливо указал на другое кресло, стоящее напротив его стола.

От этого Лена ещё больше напряглась. Решив, что пора скинуть оковы недопонимания от такого начала, она улыбнулась и сказала:

– Здравствуйте. К Вам нелегко попасть.

Он прищурил глаза. Лене казалось, что он прислушивается к чему-то. Она обратилась вслух, пытаясь уловить, что это может быть.

И только в этот момент поняла, что в кабинете стояла абсолютная тишина. За исключением звука тикающих часов, стоявших на его ультрамодном столе.

– Тут абсолютная тишина. Вы заметили, да? Я люблю время. Звук тикающих стрелок подсказывает мне, что всё под контролем. С тех пор как изобрели часы, время стало управляемым, а человечество – контролируемым. Хотя опять же не все и не всегда.

Здравствуйте. Спасибо, что пришли. Сложно попасть, говорите? Не соглашусь. Зависит от желания. Сколько минут вы боролись со своим желанием покричать, позвать, спросить? Ровно столько времени Вы придумывали для себя сложность мира, окружающего мой дом.

Он сделал глоток воды, после чего продолжил:

– Видите ли, людям свойственно игнорировать свои желания, упрямо возражать своему внутреннему «я», которое прямым текстом подсказывает выход из ситуации, кажущийся глупым и неприемлемым. Согласитесь, что Вы считали неуместным заговорить с домом. Признайтесь, что ваш внутренний советник подсказывал Вам покричать. Разве я не прав?

И не дав ей возможности ответить, человек в чёрной одежде продолжил:

– Я за высокие технологии. С того момента, как Вы позвонили, искусственный интеллект, отвечающий за безопасность дома, ожидал Вашего появления. Вернее, Вашего голоса, поскольку он не знал, как Вы выглядите.

Неожиданно длинная речь и столь простое объяснение вызвали внутри бурю негодования. «А я-то думала, меня тут специально на эмоции раскачивают, в игры психоанализа со мной играют. Идиотка!»

Но вслух вымучила вежливо:

– Наверное, нужно предупреждать гостей о таких новшествах. Не каждый догадается с домом разговаривать.

– Вас предупреждали. Вам сказали: «Когда придёте, сообщите о своём прибытии». Обычно все говорят: «Я пришёл».

Лена снова умудрилась не проявить поднявшийся внутри гнев.

– Будем считать, я справилась и победила Вашу технику. Итак, Вы психолог, психоаналитик, знаток человеческих душ, каким-то образом пришли к мысли, что мы можем интересно поговорить. Признаю, я была заинтригована Вашими мыслями. Они помогают Вам делать жизнь лучше?

– Лучше? Лучше по отношению к чему или кому? Вы считаете, что знание обязательно должно что-то улучшать?

Сбитая с толку таким вопросом, Лена закрылась руками на груди.

– Это мне кажется разумным. Знание и опыт дают нам возможность избегать ошибок и делать что-то с меньшей потерей сил. То есть лучше. Следовательно, да, знание должно улучшать. Вам с Вашей профессией это должно быть известно лучше других.

Сложив ладони лодочкой перед лицом, он улыбнулся.

– Добро всегда побеждает зло. Мировой постулат. Прекрасная жизнеутверждающая фраза. В ней истина и знание слились воедино, сформировав человеческий фундамент жизни. И что? Разве это знание делает нашу жизнь лучше? Разве из-за этого знания в мире меньше войн или убийств? Или может преступники извелись на наших улицах от этого знания? Ваше утверждение – это самообман.

Люди много чего узнают в жизни, но предпочитают повторять свои ошибки и не использовать полезное и ценное, чтобы сделать её лучше. И главная причина этого несчастья кроется в наших желаниях. Каждый раз сталкиваясь с той или иной ситуацией, пусть даже прожитой нами в прошлом, мы проживаем её как в первый раз, потому что наши желания жаждут обмануть печальный опыт прошлого.

Они хотят принять вызов со стороны мира, доказать ему, что в этот раз у него ничего не получится. В этот раз мы возьмём у него реванш.

Наши желания, наше эго наступают на горло полученному знанию и ведут нас танцевать на граблях, набивая нам новые шишки. И лишь единицы умудряются избегать этой травмоопасной дискотеки.

Поэтому я отвечу вам «нет», мои мысли, мои знания и опыт не делают мою жизнь или мир лучше. Но они могут помочь изменить жизнь других людей, если они того захотят. Они могут дать им возможность выбирать: пойти на поводу у желания обмануть мир или подстроить его правила под себя.

Предполагаю, что Вы пришли сюда чтобы понять, найти ответы на нескончаемый круг вопросов, среди них определить своё место в этой жизни и способы, как её изменить. Вы жаждете узнать, где хромает гармония Вселенной, допускающая перегибы в несправедливом положении судеб разных людей. Вам ужасно интересно заполнить вакуум вопроса: «Почему так?». Что же, Вы пришли по адресу.

Лена почувствовала, как напряжение её отпускает. Она снова была очарована приятным голосом человека, имени которого до сих пор не знала. Его пространственные разговоры были ей близки, и это вернуло спокойствие в её раздражённое лихим началом внутреннее состояние.

– Прежде чем мы начнём, позвольте спросить: Вы верующий человек?

– Я верю в себя, – без паузы ответила она. – Вера – слишком дорогой ресурс, чтобы разделять его с различными религиями. К тому же я считаю, что вера в кого-то или во что-то ставит тебя в зависимость. Веришь в приметы – начинаешь чёрной кошки чураться, домой бояться лишней раз вернуться, чтоб уют проверить, – дороги же не будет. Вера равна зависимости от того, во что веришь. Мне нравится думать, что всё зависит от меня. От моей веры в себя.

– Bravo, – улыбнулся человек в чёрном. – Какая интересная личная позиция. Но я спросил Вас о вере не чтобы понять, насколько Вы зрелая и самостоятельная личность, а лишь для того, чтобы прояснить, насколько Вы живете в соответствии с заповедями. Считаете ли Вы их даром небес, упорядочившим жизнь общества?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.